

Старик. Максим Горький gorkiуmaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiуmaxim.ru/> Приятного чтения!

Старик. Максим Горький

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

М а с т а к о в, И в а н В а с и л ь е в и ч.

П а в е л, его пасынок.

Т а т ь я н а, его падчерица.

З а х а р о в н а.

С т е п а н ы ч.

С о ф ь я М а р к о в н а.

Х а р и т о н о в.

Я к о в, его племянник.

К а м е н щ и к.

С т а р и к.

Д е в и ц а.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Кирпичная стена трёхэтажного дома, окружённая лесами, перед нею – группа деревьев с поломанными ветвями, брёвна, доски, бочки, как всегда на постройке. Под деревьями скамья со спинкой. Налево – забор сада, в нём калитка, дальше – сторожка, у двери тоже скамья. Направо – деревья, кустарник. Воскресенье, летний полдень. Около постройки толпятся каменщики, перед ними стоит М а с т а к о в, крепкий мужчина, тёмноволосый, с проседью в бороде и усах. У калитки – Х а р и т о н о в, рыжий, суетливый человек. Я к о в, его племянник, – щёголь. П а в е л, неуклюжий парень, угрюмый. Т а т ь я н а, одетая очень модно и крикливо. З а х а р о в н а. С т е п а н ы ч.

Х а р и т о н о в (кричит каменщикам). Тише, стадо!

М а с т а к о в (укоризненно взглянув на него). Погоди, кум! Ну, вот, ребята, одно дело вы, слава богу, кончили, с понедельника другое начнём. Работали вы споро, честно; надо, чтобы я вам спасибо сказал; вот я и говорю: спасибо, братцы!

Х а р и т о н о в (Павлу). Вяло говорит, невесело! Эх, я бы сказал!

М а с т а к о в. Обиды не было вам от меня?

К а м е н щ и к и. Нету... И мы благодарствуем... Не было...

М а с т а к о в. Так. Ещё скажу вам, что трудились вы не только для меня – для себя тоже. В училище этом будут учиться ваши дети, ваши внуки. Все дела наши для будущих людей...

Х а р и т о н о в (Якову). Это его полковница настроила, её мысли!..

Я к о в. Понимаю...

Т а н я. Не мешайте!..

М а с т а к о в. Ежели справедливо говорить – работа всегда дороже денег. Я сам из простых вышел, знаю цену всякой работе. (Он говорит всё более неуверенно, подыскивая слова, останавливаясь.)

Старик. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Х а р и т о н о в. Кончил бы – разве они поймут?

М а с т а к о в. Вот – построили мы техническое училище... дай бог, чтобы наши дети жили умнее, счастливее нас! Что там ни говори, а счастливый человек больше несчастного достоин помощи божией.

Х а р и т о н о в. Это всё полковница!

Т а н я. Не мешайте, пожалуйста.

З а х а р о в н а. О, господи, батюшко!

М а с т а к о в. А теперь, ребята, идите обедать, выпейте за успех дела, и – поздравляю вас с благополучным окончанием.

К а м е н щ и к и (хором, оживлённо). Покорно благодарим, Иван Васильевич! Тебе спасибо! Аида, ребята! Стой, погоди... Спасибо, хозяин!

М а с т а к о в. Кроме того, полагается вам по трёшнице на брата, в благодарность.

К а м е н щ и к и (ещё более весело). Эх ты... Благодарим!.. Ну, айда! Да – погоди! Спасибо!

С т а р ы й к а м е н щ и к. Стойте, тише! И я тебе слово скажу, Иван Васильев. Хорошо ты придумал это – обед. Другой бы дал на чаешко по целковому, да и – ступай стадо, куда надо. А ты всё иначе делаешь, по-новому, однако – хорошо. Обыкновенно по-новому-то неважно выходит, а у тебя – ничего! На такого хозяина и работать приятно. Кабы все эдак-то поступали – меньше бы досады было. А народ праздники любит. Ну, стало быть, мы тоже очень довольны и благодарим, кланяемся. Кланяйся, ребята. (Низко кланяется, каменщики бормочут: "Спасибо! Дай тебе господи удачу! Очень благодарны!" Какой-то молодой чахоточный парень встал – явно в насмешку на колени и поклонился в землю.)

Т а н я (улыбаясь). Вот глупый!

Х а р и т о н о в. Экой подлец!

М а с т а к о в. Нехорошо шутишь, паренёк! Ну, идите с богом. Никита Семёнов, коли чего не хватит – у Захаровны спроси.

К а м е н щ и к. Ладно, не беспокойся!

(Рабочие идут на постройку. За ними – Харитонов, Павел, Яков, Захаровна. Таня, поставив ногу на скамью, завязывает туфлю.)

Х а р и т о н о в (молодёжи). Идём, поглядим, как они жрать будут.

М а с т а к о в (каменщику). Тебя я особо поблагодарю.

К а м е н щ и к. Ну-ну, ладно...

М а с т а к о в. Ты что ухмыляешься?

К а м е н щ и к. Приятно глядеть на тебя. Множество людей видел я, а на тебя глядеть приятно...

М а с т а к о в. Ну, будь здоров!

К а м е н щ и к. Всё ты строишься, стараешься... Талан у тебя есть... Только – спешишь ты очень, гляди – устанешь скоро.

М а с т а к о в. Однако наказано, чтобы таланта в землю не зарывать...

К а м е н щ и к. Кем наказано?

М а с т а к о в. В евангелии, Христом.

Старик. Максим Горький gorki.ucoz.ru

К а м е н щ и к. Ну, тогда конечно! А всё-таки, кто не спешит, тот меньше грешит, а кто торопится, за тем бес охотится. До свиданья. Значит с понедельника начинаем?

М а с т а к о в. Да.

К а м е н щ и к. Час добрый!

(Идёт к постройке. Мастаков устало оглядывается.)

Т а н я (подходя к нему). Идём пирог есть!

М а с т а к о в. Ты что ж тут одна?

Т а н я. Они пошли посмотреть, как мужики есть будут, – это неинтересно.

М а с т а к о в (тихо). Всё ты у меня одна да одна! Нехорошо.

Т а н я. Славно ты сказал им! И старик этот славный.

М а с т а к о в. Болтун несколько, а – умный. Знающий...

Т а н я. Я не люблю мужиков, но некоторые нравятся мне.

М а с т а к о в. За что их не любить? Я – тоже мужик.

(За деревьями – Павел.)

Т а н я. Ты – купец. Какой же ты мужик?

М а с т а к о в. У нас – все одинаковы, все мужики, только разно одеты, да речь разная. Людей надо не по словам, не по одежде различать, а по работе. Кто умеет работать, тому и честь... А вот ты у меня лентяйка это почему?

Т а н я. Не знаю. Разве я лентяйка?

М а с т а к о в (задумчиво). Мужик я – самый настоящий мужик...

Т а н я. Почему я лентяйка?

М а с т а к о в. Себя спроси. Тебе яков – нравится?

Т а н я. Иногда – нравится, иногда – нет.

М а с т а к о в. Гмм... Надо бы, чтобы всегда нравился... Вот он тебя замуж просит – как ты ответишь?

Т а н я. Я уже ответила – пусть подождёт.

М а с т а к о в. Чего?

Т а н я. Так... Не знаю. Может быть... Почему Софья Марковна не приехала?

М а с т а к о в. Она сказала, что запоздает к молебну. Тебе на что её?

Т а н я. Она ужасно хорошая.

(Павел исчез. Идёт Захаровна.)

М а с т а к о в. Подруг у тебя мало, Танёк.

Т а н я. Почему ты грустный сегодня?

М а с т а к о в. Грустный? Нет, я ничего.

З а х а р о в н а. Обедать пора!

М а с т а к о в. Пора, так зови. На-ко вот денег, это чаевые каменщикам, Никите

отдай. Идём, Таня.

С т е п а н ы ч (около сторожки с ружьём в руках, напевает). Сидит Ваня – между прочим в распроклятой растюрье...

З а х а р о в н а. Ты что это среди бела дня с ружьём?

С т е п а н ы ч. Боюсь – украдут. Тут всё тёмный какой-то шляется, про хозяина выпрашивает, кто он, откуда...

З а х а р о в н а. А чего ему надо?

С т е п а н ы ч. Не рассказывает. Наверно – сыщик воровской, ворами подослан.

З а х а р о в н а. Ты с им зря-то не болтай!

С т е п а н ы ч. Зачем? Я уж хозяину доложил про него.

З а х а р о в н а. Зови Харитоновых обедать.

С т е п а н ы ч. Сами идут – вот они...

Х а р и т о н о в (Павлу и Якову). Учитесь, как надо дела крутить.

З а х а р о в н а. Обедать пожалуйста, Яким Лукич!

Х а р и т о н о в. Жалую. Вокруг его дела хоровадом ходят, а у меня то забастовка, то кредит на дыбы...

Я к о в. Ему полковница помогает!

Х а р и т о н о в. Глупости! В делах баба – не помощница.

П а в е л. Обирает она его. Он ей на пасху серебра подарил на семь сот да на именины браслет с яхонтом.

Х а р и т о н о в. А ты всё считаешь?.. Ишь ты!

С т е п а н ы ч (подмигивая вслед им). Вынянчила ты волчонка.

З а х а р о в н а. И у родной матери не всегда дитя свято...

С т е п а н ы ч. Бойкая ты у нас старушка, весёлая.

З а х а р о в н а. Я свои печали давно оплакала. Где ни поселюсь веселюсь.

П а в е л (из калитки). Стёпка, вотчим где-то там счета оставил, ступай – найди!

З а х а р о в н а. Экой ты грубый! Какой он тебе Стёпка?

П а в е л. Убирайся к чорту, нянька!

З а х а р о в н а. У, дурачок. (Ушла в сад. Павел присел на скамью, закурил, прислушивается, глядя в кусты. Голос Софьи Марковны.)

С о ф ь я М а р к о в н а (за сценой). Не распрягай, я скоро. (Выходит из кустов, раздвигая их зонтиком. Ей за тридцать, одета просто, но кокетливо.) Вы мне, кажется, кулак показывали, да? Или – нос?

П а в е л (смущён). Вовсе я ничего не показывал!

С о ф ь я М а р к о в н а. Серьёзно?

П а в е л. Я глядел из-под руки – кто едет?

С о ф ь я М а р к о в н а. Честное слово?

П а в е л. Я же говорю!

С о ф ь я М а р к о в н а. Неужели вы не понимаете, что я шучу?

(Павел молчит.)

С о ф ь я М а р к о в н а. Много у вас гостей?

П а в е л. Только Харитоновы.

С о ф ь я М а р к о в н а. А вы что делаете здесь?

П а в е л. Ничего.

С о ф ь я М а р к о в н а (берет его под руку). Мало...

П а в е л. Вы со мной, точно с собачкой играете.

С о ф ь я М а р к о в н а. Неужели? Ах, бедный... Ну, идемте!

С т е п а н ы ч (с бумагами). Вот, нашёл! Здравствуйте, барыня.

С о ф ь я М а р к о в н а. Здравствуйте, барин!

(Уходит, уводя Павла. Степаныч садится на скамью, улыбаясь смотрит вслед ей. Из-за сторожки выходит Каменщик.)

С т е п а н ы ч. Ты куда?

К а м е н щ и к. Шумят ребята...

С т е п а н ы ч. Такое дело!

К а м е н щ и к. А мне - нездоровится. Старость грызёт.

С т е п а н ы ч. Гмм...

К а м е н щ и к. Хороший купец Иван Васильев. Хорош. Деятель! Он откуда родом?

С т е п а н ы ч (усмехаясь). Чудное дело! Да что - земля, что ли, такая тайная есть, откуда хорошие люди приезжают? А своих хороших - нет у нас? Право, ей-богу...

К а м е н щ и к. Земли такой нет.

С т е п а н ы ч. То-то и оно. Тут один, какой-то, тоже всё выпрашивает - откуда хозяин, да как разбогател.

К а м е н щ и к. Богатеют от ума. Дурак богат не будет. Зачем он спрашивает?

С т е п а н ы ч. А ты - зачем?

К а м е н щ и к. Я? Из любопытства.

С т е п а н ы ч. Вот и он тоже.

К а м е н щ и к. Ага!.. Это - тоже глупость наша, любопытство-то.

С т е п а н ы ч. Тебе лучше знать.

К а м е н щ и к. Глупость... Это кто идёт?

С т е п а н ы ч. Хозяин с полковницей.

К а м е н щ и к. Я пойду в сторожку к тебе, а то - хороши гости - из дому, а воевода - издали!

(Ушёл, Степаныч за ним. Из калитки сада идут Мастаков и Софья Марковна, Мастаков взволнован.)

С о ф ь я М а р к о в н а. А не напрасно вы ушли из-за стола?

М а с т а к о в. Ничего, Яким – свой человек. А вы сказали, что торопитесь. Присядемте на минутку!

С о ф ь я М а р к о в н а (улыбаясь). Работа у вас медленно идёт.

М а с т а к о в. Яким кирпич задержал, описали у него кирпич. Софья Марковна!..

С о ф ь я М а р к о в н а. Что скажете? Вы сегодня – не нравитесь мне... И говорите как-то невразумительно, и вообще...

М а с т а к о в. Есть причина... Такое дело, что не знаю, как сказать...

С о ф ь я М а р к о в н а. Сразу говорите. Ну-с?

(Присели на скамью, Мастаков стоит, всё более волнуясь.)

М а с т а к о в. Вот уж больше десяти лет я живу вашим разумом – и денежно вы мне помогали, и душевно много сделали для меня...

С о ф ь я М а р к о в н а. Вы – сядьте! (Смотрит, улыбаясь, на часы, потом на него.) И – ближе к делу. Итак?

М а с т а к о в. Видите ли... Не могу сказать! Трудно...

С о ф ь я М а р к о в н а (оглядывая его, серьёзно). Вы меня удивляете! Вы – такой спокойный, уверенный в себе человек.

М а с т а к о в. Это – видимость. Я человек несчастный... (Возмущённо.) Даже – смешно! Почему я – несчастлив, я? Я – честный человек, люблю работать, я не жаден...

С о ф ь я М а р к о в н а. Послушайте, что такое? Что с вами? О чём вы?

М а с т а к о в. Я так... предан вам, привык к вам, что ежели... Годы я жил бирюком, в страхе пред людьми, вы отличили меня, сделали значительным человеком...

С о ф ь я М а р к о в н а. Всё это лишнее говорите вы.

М а с т а к о в. Я вас так уважаю...

С о ф ь я М а р к о в н а. Прекрасно, спасибо! Но – что же вы хотите от меня?

М а с т а к о в (бросился на колени перед нею). Милости вашей прошу... помощи прошу...

С о ф ь я М а р к о в н а (вскочила, оглядывается). Да вы с ума сошли! Встаньте, живо! Вы бы ещё на базарной площади вздумали объясняться в любви! Юноша какой...

М а с т а к о в (вставая). Послушайте... Я знаю – вы не судья людям, вы – добрая к ним...

С о ф ь я М а р к о в н а. Довольно! Я ведь не девушка. Я понимаю, что нравлюсь вам. Человек я прямой и даже, пожалуй, грубоватый. Вы тоже нравитесь мне, – довольно с вас?... Больше об этом я не могу говорить сегодня, вы очень плохо выбрали время для такой беседы.

М а с т а к о в (робко, глухо). Софья Марковна, я хотел...

С о ф ь я М а р к о в н а. Сегодня в семь я еду в деревню, а когда вернусь – мы поговорим. Я вернусь дня через три...

М а с т а к о в. Не уезжайте, пожалуйста! Я вас прошу! У меня вся жизнь... всё качается!

Старик. Максим Горький gorkiۛtaۛim.ru

С о ф ь я М а р к о в н а. Ну, это, извините меня, глупости!

М а с т а к о в (почти с отчаянием). Послушайте же...

С о ф ь я М а р к о в н а. Тише! Кто-то идёт. Стряхните пыль с колен!

М а с т а к о в (бормочет). О, господи!

Х а р и т о н о в (выпивший). Полковница – лапочку!

С о ф ь я М а р к о в н а. Да ведь вы только что здоровались со мной!

Х а р и т о н о в. Это ничего не значит! Вас всегда приятно видеть, как кредитный билет. Кум, ты чего угрюм?

М а с т а к о в (кивая на стройку). Запоздываем.

Х а р и т о н о в. Брось! У тебя, брат, всегда хорошо будет, ты счастливый! Полковница, помогите мне, между прочим, уломать его! Иван Васильев – отдавай падчерицу за Якова, а? И себе развяжешь руки несколько, и мне бы польза была.

М а с т а к о в. Не время об этом...

Х а р и т о н о в. Девицу замуж выдать – всегда время. Кроме постов, разумею. Полковница, дело дешёвое – расходимся на двадцати тысячах – срам!

С о ф ь я М а р к о в н а. Торгуйтесь...

Х а р и т о н о в. Я – готов, а он ни бэ, ни мэ, ни кукареку... Что значат двадцать тысяч в наши распутные дни? Горшок сметаны, не более того. А между прочим, Яков у меня действительный жених. Литой. Как племенной бычок. Тигр, а не жених!

М а с т а к о в (угрюмо). Ограбишь ты его.

Х а р и т о н о в. Это – дело будущее... В экономическом вопросе – ни родства, ни дружбы.

М а с т а к о в (сердясь). Велика больно ярость твоя на деньги.

Х а р и т о н о в. Ярость? Ну, понял же ты меня, ай-яй!

С о ф ь я М а р к о в н а. Да вы сами-то себя – понимаете?

Х а р и т о н о в. Насквозь! Ярость, а?

С о ф ь я М а р к о в н а. Мы пойдём смотреть постройку?

М а с т а к о в. Да.

Х а р и т о н о в. И я с вами. Ярость! Я на пасхе девять тысяч проиграл в железку – глазом не моргнул, а вы, а – ты...

М а с т а к о в. Выпил ты, Яким...

Х а р и т о н о в. Выпил! Потому что жизнь моя – юрунда. Человек я неказистый, женщины меня иначе как за деньги – не любят, жить мне скушно, вот я и пью, играю...

М а с т а к о в. Доиграешься.

Х а р и т о н о в. Торной дорогой всяк пройдёт, а я люблю – по жёрдочке, над омутом, чтобы подо мной гнулось да качалось, чтобы каждую минуту думать: устоишь, Яким, али сверзишься? Вот оно в чём удовольствие жизни!

С о ф ь я М а р к о в н а. Вы сегодня в ударе, хорошо говорите.

Х а р и т о н о в. Я бы лучше заговорил, ежели бы меня хорошая женщина любила.

Старик. Максим Горький gorki.ucoz.ru

Эх, полковница, красоты вам отпущено – на все двенадцать лихорадок, ей-богу! Вот бы вам полюбить меня, эх, как бы я...

М а с т а к о в (вдруг грубо). Да перестань ты, паяц!

С о ф ь я М а р к о в н а. Что с вами? Опомнитесь!

Х а р и т о н о в (испугался). Что такое?..

М а с т а к о в. А зачем он поганым языком...

(Софья Марковна берёт его за руку.)

М а с т а к о в. Прости, Яким... Я – думал, а ты тут...

Х а р и т о н о в. Думал? Ну, думай... Чорт, как фыркнул! Полковница, вы не боитесь его? А я иной раз боюсь, между прочим...

(Ушли на стройку. Из калитки вслед им смотрит Павел; в саду – голос Захаровны. Таня идёт.)

Т а н я (Павлу). Пусти!

П а в е л. Не толкай, невежа...

Т а н я. За кем подглядывал?

П а в е л. Не твоё дело.

Т а н я. Фу, какой злой! Почему ты всегда злишься?

П а в е л. Потому.

Т а н я. Сам не знаешь почему!

З а х а р о в н а (ворчит). Жалуешься – голова болит, а сама ходишь по жаре.

Т а н я. Отстань! Софья Марковна уехала, Павел?

П а в е л. Не знаю.

Т а н я. Я забыла сказать ей...

З а х а р о в н а. Не забывала бы! Куда пошла? Там – мусор, ногу свихнёшь. Баловница! Жених скучает, а она...

Т а н я. Я тебе сказала – нет у меня жениха!

З а х а р о в н а. Ну, и врешь!

Т а н я. Нет!

З а х а р о в н а. Да ты что кричишь? Жених – не бородавка, коли нет его – хвастать нечем.

Т а н я. Ты зачем меня дразнишь?

З а х а р о в н а. Сегодня праздник. А ты меня – зачем?

П а в е л. Вот дурёхи!

Т а н я. Молчи, умник! Захаровна, сходи, посмотри – уехала она...

З а х а р о в н а. Так и сказала бы! Самой-то лень идти...

Т а н я. Ах, господи! Да ведь ты же не велела!

З а х а р о в н а. А ты меня не слушай, из уважения к старости моей...

Т а н я. Ты – ужасная!

С т е п а н ы ч (идёт, крича). Захаровна – чаевые давай!

З а х а р о в н а. На, на, не ори! Танюша, ты бы вот сама и раздала на чай каменщикам – им приятно будет из твоих ручек.

Т а н я (уходя). Вот ещё выдумала!

З а х а р о в н а (идёт за ней). Эх ты, непонятливая...

Я к о в (из сада). Куда они?

П а в е л. Деньги на чай раздавать.

Я к о в. Много?

П а в е л. Не знаю. Больше ста.

Я к о в. Вот бы мне кто-нибудь сотняжку на чай дал!

П а в е л. Иди в лакеи – дадут!

Я к о в (закуривая). Ляпнул! У меня знакомый есть студент – в смешных журналах стихи пишет, так он сказал:

Служи народу – ты не барин!

Служи ему и – примечай:

Народ особо благодарен,

когда ему дают на чай...

Вот как шутят! А ты – точно палкой по голове!

П а в е л. Кому он это сказал?

Я к о в. Вообще, всем. Кури!

П а в е л. Не хочу. Не люблю я шуток.

Я к о в. Я шуток не любишь, а – Машуток любишь?

П а в е л (смеётся). Экий ты... чорт!

Я к о в. То-то. Едем сегодня к нашим барышням?

П а в е л. Неохота. (Вдруг нахмурясь.) Как же ты – собираешься жениться на моей сестре, а сам зовёшь меня к девушкам?

Я к о в (удивлён). Чего? Да что я – первый раз зову тебя к ним? А в то воскресенье ты где был?..

П а в е л (угрюмо). Вотчим хочет сплавить меня в коммерческое училище.

Я к о в. И хорошо! Будешь жить один, сам себе хозяин...

П а в е л. А он без меня женится на этой...

Я к о в. Он и при тебе женится... Чем ты можешь помешать ему? Ты брось это, чорт с ним! Пускай женится на ком хочет. Только бы выделил тебя...

П а в е л. Да-а... как же, выделит он!

Я к о в. Идём в поле, погуляем. Таню захватим...

Старик. Максим Горький gorki.ucoz.ru

П а в е л. Пойдём... что же! (Идут к постройке.) Ты бы с ней почаще говорил о полковнице-то...

Я к о в. Я говорю, не беспокойся.

П а в е л. Поссорить бы их...

Я к о в. Уж очень Татьяна Петровна доверчива к ней...

П а в е л. Глупа ещё. Мякиш...

З а х а р о в н а (встречу им). Поплыли селезни! А дядю твоего, Яков Савёлыч, так развезло на жаре-то - лыка не вяжет, а слова такие говорит, что кирпичам стыдно. Вы бы Таню-то увели от него.

(Ушла в сад. Павел и Яков скрылись за деревьями. Через минуту в кустах является Мастаков, смотрит на постройку, отирая лоб платком. Угрюм и подавлен. Остановился, бормочет громко.)

М а с т а к о в. Не догадалась... не поняла! (Постояв, решительно подходит к скамье и, вынув из кармана бумажник, пишет на колене записку. Кричит.) Степаныч, Эй!

С т е п а н ы ч (из-за сторожки). Здесь...

М а с т а к о в. Запряги Красотку и поезжай в город, к Софье Марковне. Если догонишь ее в дороге...

С т е п а н ы ч. Не догнать...

М а с т а к о в. Домой поезжай к ней, а дома нет - на вокзал, она с семичасовым в деревню едет. Обязательно найди! Живее собирайся!

С т е п а н ы ч. А кто же тут...

М а с т а к о в. Иди! Никита поглядит за ребятами, я скажу...

С т е п а н ы ч. Не подожгли бы...

М а с т а к о в. Иди, говорю!

(Степаныч спешно уходит.)

М а с т а к о в (бормочет). Господи! Помогите... Ведь не виноват я, ты знаешь, господи... Знаешь...

(Сидит, схватив голову руками, покачиваясь.)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Там же, в тот же день. Часов пять вечера. За постройкой, в поле, гармоника наигрывает: "Последний нонешний денёчек". Каменщик Н и к и т а сидит на скамье у сторожки, подрёмывает. Из кустов идут П а в е л, Я к о в, Т а н я с букетом полевых цветов в руках.

Я к о в (подмигивая на Никиту). Хотите, я его испугаю?

П а в е л. Он не спит.

Т а н я. Не надо!

Я к о в. Смешно будет! (Идёт к Никите, пристально и строго разглядывая его.)

К а м е н щ и к (встаёт). Ты что, сударь?

Я к о в. А ведь я тебя знаю!

К а м е н щ и к (улыбаясь). Меня тут все знают.

Я к о в. Я тебя да-авно знаю!..

К а м е н щ и к. И я тебя.

Я к о в. Ты – кто такой?

К а м е н щ и к (всё улыбаясь). Как же это – знаешь, а спрашиваешь?

Я к о в (строго). Я с тобой не шучу! Я, брат, про тебя такое знаю...

К а м е н щ и к (серьёзно). Чего про меня знать? Про меня нечего знать.

Я к о в (понижая голос). Ты в третьем году, в марте, что делал? Помнишь?

К а м е н щ и к (напряжённо). В марте? Третьего года?

Я к о в. Ага! Вспоминаешь?

К а м е н щ и к. Погоди...

Я к о в. Ты где тогда был, ну-ка, скажи?

К а м е н щ и к (смущённо). Стой... Дай бог памяти!.. В больнице я лежал будто.

Я к о в. Будто? Ну, а – по совести скажи?

К а м е н щ и к (испуганно). Постой-ка, ты – что, брат? А?

Я к о в. Нет, ты вспомни! Ты что тогда сделал?

К а м е н щ и к. Да что ты, господь с тобой! (Снял картуз.) Мне вспоминать нечего... Что такое?

(Таня смотрит на старика, улыбаясь, Павел смеётся. Взглянув на них, Никита надел картуз и сердито отмахивается.)

К а м е н щ и к. Поди ты к богу! Я думал – взаправду что-нибудь. Экой безобразник! Я втрое старше тебя...

(Гневно ушёл в сторожку.)

Я к о в (торжествуя). Видали?

П а в е л. Ловко!

Т а н я. Странно! Чего он испугался?

Я к о в (с гордостью, оживлённо). Я могу испугать кого хотите! Любому человеку уставляюсь в глаза и начну: "А что я про вас знаю, что слышал!" Конечно, я ни черта не знаю, но человек обязательно испугается – ведь у каждого есть что-нибудь, что он скрывает, ну, а я веду себя так, будто мне все тайны известны! Понимаете?

П а в е л. И дураки же люди...

Я к о в. Особенно с барышнями удаётся это. Я любую барышню в полчаса могу до слёз довести.

Т а н я. Это – гадость! Вам не стыдно?

Я к о в. Да ведь я шучу! Чего же стыдиться?

Т а н я. Это очень стыдно – издеваться над девушками.

Я к о в. А вы как издеваетесь над нами? Ага! И вообще – ведь вам понравилось,

когда старик испугался?

Т а н я. Вовсе нет!

Я к о в. А зачем улыбались?

Т а н я. Я не улыбалась.

П а в е л. Не спорь – понравилось. Это он ловко сделал. Вы здесь будете? Я пойду рубашку сменить, вспотел.

Я к о в. Сядемте, а?

Т а н я. Не хочу.

Я к о в. Не сердитесь на меня! Послушайте: лягушку, животное болотное, склизкое, тиская – получаем ощущение отвращения!

Т а н я (удивлённо). Что такое, как?

Я к о в (повторив). Это называется – бонмо!

Т а н я (смеясь). Фи, какая гадость! И ещё – бонмо! Это вы сами выдумали?

Я к о в. Сам.

Т а н я. Неправда!

Я к о в. Честное слово! Смешно ведь?

Т а н я. Нисколько.

Я к о в. А вы смеялись! Какая вы капризная – ужас!

(Несколько секунд сидят молча.)

Я к о в (уныло). А один актёр сказал: "Лучше иметь небольшой ум, чем большой чирей". Нравится вам?

Т а н я (улыбаясь). Вы удивительно глупый!

Я к о в (весело). Лишь бы удивить вас, а чем – всё равно! Нет, какая вы капризница! Вот уж, наверное, приказчики в магазинах не любят вас!

Т а н я (обиженно). Я вовсе не желаю, чтобы меня любили приказчики.

Я к о в. Почему же? Среди них такие красавцы есть...

Т а н я. Ах, оставьте, пожалуйста!

Я к о в. Ф-фу... Замучили вы меня!

Т а н я (вставая). Идёмте чай пить... мученик!

Я к о в. Идите... Я сейчас приду.

(Показывает кулак вслед ей, потом высунул язык.)

Т а н я (обернувшись). Я устала очень...

Я к о в (вскочив). Эх, жаль! (Бормочет.) Погоди, милая, ладно!

(В саду голос Мастакова: "Лёг бы ты, уснул!")

Х а р и т о н о в (в калитке). Спать не хочу, я говорить хочу.

М а с т а к о в. Ну, о чём говорить?

Х а р и т о н о в. А вот сядем на любимое твоё место... Не жаль было тебе рошу вырубать?,

М а с т а к о в. Жаль.

Х а р и т о н о в. То-то! Вон сколько от неё осталось – в зубах поковырять нечем. Садись? Слушай – что ты сегодня какой – нехороший, неласковый, а?

М а с т а к о в. Ну, полно...

Х а р и т о н о в. Думаешь – если я выпил, так ослеп? Выпивши, я всё насквозь вижу, между прочим. Всё ты суёшься из угла в угол, оглядываешься, а?

М а с т а к о в. Ну, что там? Так это. Думается о разном. Я вот строиться люблю – строение украшает землю. Земля у нас – бедная...

Х а р и т о н о в. Неправда! Ба-агатая земля! Грабят её, грабят, а ограбить никто не может!

М а с т а к о в. И люди непрочные...

Х а р и т о н о в. И купец грабит, и чиновник, и всяк живой человек, а – Россия живёт, слава те, господи! И будет жива во веки веков. Нет, почему ты октябрём ходишь, хоть шубу при тебе надевай, а? Полковница требуется? Что ж, дама она такая, что каждому желанна... Венчаешься?

М а с т а к о в (угрюмо). Не пара мы. Не знаю...

Х а р и т о н о в. Отчего? Ведь она – по мужу важна, а сама, говорят, из простых... Певица, что ли, какая-то... И вообще, – хороша Анненька, а прошлое – дрянненько!

М а с т а к о в (строго). Прошлое не должно касаться нас.

Х а р и т о н о в. Ну, ежели оно в костях...

М а с т а к о в. Как это – в костях?

Х а р и т о н о в. Ну, в душе, что ли. Наше прошлое – не дёготь на воротах, его не выскоблишь... нет, брат!

М а с т а к о в (вставая). Ты извини, кум, я пойду... мне надо подумать об одном деле.

Х а р и т о н о в (вслед ему). О падчерице подумай! Довольно уж канители, пора за дело...

(Никита выглядывает из сторожки.)

Х а р и т о н о в. Это кто там?

К а м е н щ и к. Я... (Выходит.) Я пожаловаться тебе, Яким Лукич...

Х а р и т о н о в. Жалуйся. Ну?

К а м е н щ и к. Племяш твой – озорник...

Х а р и т о н о в. В молодости и курица озорует. Ну?

К а м е н щ и к. Давеча начал он мне угрожать...

Х а р и т о н о в. А ты – не бойся! Он угрожает, а ты – не бойся, только и всего. Понял?

(Из-за сторожки выходит странник – Старик, с котомкой на спине, с котелком и чайником у пояса. За ним – Девица, тоже с котомкой; у неё неподвижное лицо, большие мёртвые глаза. Девица кланяется. Старик стоит неподвижно.)

Старик. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Х а р и т о н о в. Здорово. Давно ждали...

К а м е н щ и к. Откуда?

С т а р и к. От Стефания.

Х а р и т о н о в. Дочь?

С т а р и к. Сестра по духу.

Х а р и т о н о в. Молода будто сестрёнка-то!

С т а р и к. Не все в один год родились.

Х а р и т о н о в. Верно.

Д е в и ц а (Каменщику). Чего это строят?

К а м е н щ и к. Училище.

Х а р и т о н о в. Девица?

С т а р и к. Девица.

Д е в и ц а. А не завод это?

К а м е н щ и к. Завод – дальше, версты за три.

Х а р и т о н о в. А детей сколько имела?

С т а р и к. Был один, да тоже дурак.

К а м е н щ и к. А то – другой скоро начнём строить..,

Х а р и т о н о в. Дурак? (Встаёт, идёт в сад, остановился.) Ты что же подаяния не просишь?

С т а р и к. В свой час – попрошу.

Х а р и т о н о в. Гмм... Пойду чайку попью..,

Д е в и ц а. А кто строит?

К а м е н щ и к. Мастаков, Иван Васильев.

С т а р и к. Здешний?

К а м е н щ и к. Само собой.

С т а р и к. И родился здесь?

К а м е н щ и к. А тебе на что знать?

Д е в и ц а. Здешние-то, сказывают, добрые...

К а м е н щ и к. Всякие есть.

С т а р и к. Давно он здесь живёт?

К а м е н щ и к. Лет с двадцать. (Спохватился, подозрительно оглядывает Старика.) Да разве я тебе сказал, что он не здешний? Я этого не говорил!

Д е в и ц а. Добрый человек, слышно...

К а м е н щ и к. Когда добёр, а когда и нет. Пустых людей не любит.

С т а р и к. Это каких – пустых?

Старик. Максим Горький gorki.ucoz.ru

К а м е н щ и к. А вот которых ветер по дорогам гоняет, туда-сюда.

Д е в и ц а. Идёмте, братец!

С т а р и к. Куда? Погоди, отдохнём. Торопиться мне некуда, меня никто не ждёт.

К а м е н щ и к. А не похож ты на странника божьего.

С т а р и к. Не похож? На кого же я похож?

К а м е н щ и к. Не знаю. Для странника – речь у тебя не та.

С т а р и к. Всякая птица по-своему поёт...

К а м е н щ и к. Не та речь... Коли вы за подаянием, идите во двор, вот сюда, кругом.

С т а р и к. Дай отдохнуть! Али я тебе мешаю?

К а м е н щ и к. Не мешаешь, а торчать тут не к чему. Закуришь, спичку бросишь...

С т а р и к. Не курю.

(Никита ушёл в сторожку.)

С т а р и к (оглянувшись, Девнице, негромко). Ты – гляди, Марина, примечай всё, слушай! А ежели почувешь что плохое для меня, сейчас беги в город, к Илье...

Д е в и ц а. Знаю.

С т а р и к. А он бы тотчас объявил полиции – так и так, мол! Поняла?

Д е в и ц а. Ну-ну!

С т а р и к (оглядываясь). Ишь, как застроились, псы! И небушка не видать. Всё от бога отгораживаются, собаки! В кирпич да в камень душевную гнусь свою прячут, беззаконники...

Д е в и ц а (негромко). Гляди – идут!

(Идут Яков и Таня.)

Я к о в. Ну, расскажите, пожалуйста...

Т а н я. Постойте! Где же он? (Кричит.) Папаша!

Я к о в. Успеем, найдём! Расскажите!

Т а н я. Когда я рассказываю, мне делается скучно.

Я к о в. А слушать любите?

Т а н я. Интересное – люблю. Папаша!

Я к о в. Сплетни всегда интересны.

Т а н я. Да.

Я к о в. Иной раз так расскажут про человека, точно наизнанку вывернут его.

(Девница кланяется им.)

Т а н я. Вот странники много знают...

Я к о в. Смотрите – какая деревянная! Сейчас я его испугаю.

Т а н я. Не стоит!

Я к о в. Увидите, как забавно будет. (Присматриваясь к Старичку.) Ба, кого я вижу!

(Старик смотрит на него молча и спокойно.)

Я к о в. Давно ли здесь?

С т а р и к. Недавно.

Я к о в. А назад – в острог – скоро?

С т а р и к. Вместе с тобой.

Я к о в. Как это – со мной?

С т а р и к. Так. Ты когда в острог собираешься?

Я к о в. Мне там делать нечего!

С т а р и к. Там дело найдут для тебя.

Я к о в (смущён). Позволь – как ты смеешь...

Т а н я (удерживая его за плечо). Оставьте его, он мерзкий.

Я к о в (отходя от него). Небоязлив, бродяга.

Д е в и ц а. Барышня, подайте странникам Христа ради! Накормите, напоите бездомных, несчастных...

Т а н я. В кухню идите, вон туда... Где же папаша?

Я к о в. Придёт!

Т а н я. Удивительно скучный день сегодня, хоть бы что-нибудь случилось.

Я к о в. Вы любите пожары?

Т а н я. Нет, я боюсь. Мне иногда так скучно бывает, что даже несчастья хочется.

Я к о в. Выходите замуж за меня!

Т а н я. Я серьёзно говорю. Софья Марковна сказала: "Я не знаю, что такое скука". Как можно не знать этого? Даже собаки скучают. Вам нравится урюк?

Я к о в. Мне нравитесь вы!

Т а н я. Ах, перестаньте!

Я к о в. Ей-богу, я вас люблю! В самом деле – выходите за меня замуж, будет очень весело. Автомобиль купим.

Т а н я. Я ведь сказала – дайте подумать!

Я к о в. Уж очень вы долго думаете. Замуж выйти – не в винт играть, тут особенно долго думать незачем. Я человек свободомысленный, не стесняющийся и весёлый. Притом же бедный. Значит, я буду вам верный друг. Честное слово! И будет вам всякая свобода от меня.

Т а н я. А на что мне свобода? Я и так без призора живу.

Я к о в. Теперь вы девица и стеснены в симпатиях ваших, потому что наш брат – жулик и девичья неопытность для нас – конфета! А будете дамой оцените свою свободу, – вон, как Софья Марковна живёт! У неё роман за романом.

Т а н я (грустно). Зато какие гадости рассказывают про неё!

Старик. Максим Горький gorki.ucoz.ru

Я к о в. Не всякий разговор на аппетит действует. Кроме того – Павел! Он – жадный, грубый, никого не любит...

Т а н я (улыбаясь). Ошибаетесь, он в Софью Марковну влюблён...

Я к о в. Да что вы? Павел?

Т а н я. Да, да! Я сама видела, как он перчатки её целовал...

Я к о в. Ах, чорт возьми!

Т а н я. Она забыла у нас перчатки...

Я к о в. А он – целовать их? Вот дурачина! А – знаете – она обязательно пройдёт в мачехи вам!

Т а н я. Это – хорошо!

Я к о в (уныло). Ну, разве можно так рассуждать?

Т а н я (задумчиво). Была бы около меня умная женщина, с ней можно и о костюмах посоветоваться, и обо всём. При ней и дом перестроили бы, а то у нас тесно.

Х а р и т о н о в (идёт). Эй, голуби! А где Иван Васильев?

Я к о в. Не нашли мы его.

Х а р и т о н о в. Там архитектор приехал.

Т а н я. Ах, надо идти... Он такой интересный!..

(Поспешно уходит.)

Х а р и т о н о в. Ну, что, балбес?

Я к о в (уныло). Ничего. Она такой мякиш.

Х а р и т о н о в. Ты сам мякиш! Другой бы на твоём месте...

Я к о в (с досадой). Да что ж, насильно, что ли...

Х а р и т о н о в. А хотя бы насильно? Девушки смелость любят. Болван! У меня бы давно уж Исаяя ликовал...

Я к о в. Попробуйте – женитесь на ней сами!

Х а р и т о н о в. Цыц! С кем говоришь? Вот, как я вылечу в трубу да останешься ты нищим...

Я к о в. Тише, вы... Тут кто-то ходит, наверно – Иван Васильич...

Х а р и т о н о в (оглянувшись, вынул из кармана серебряный рубль, громко). Видал – кружочек маленький, а на нём – вся жизнь! Это надо понять! Какой цветок краше, какой порох сильней? К деньгам надо уважение иметь, а не швырять их зря... (Презрительным тоном.) Ты что прёшь, шарлатан? Никого нет...

Я к о в. Я шаги слышал за сторожкой.

Х а р и т о н о в. Шаги слышал! Ты мне сегодня это дело кончай... Иди, ходи за ней неотвязно!

Я к о в (идёт). Да если она глупа...

Х а р и т о н о в. Для тебя же легче, дубина!..

(Ушли. От постройки медленно идёт Мастаков, подавлен, глядит в землю. Из-за сторожки – Старик, он усмехается, остановился, опираясь на палку обеими руками.)

Старик. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
С т а р и к (негромко). Здорово, Гусев.
М а с т а к о в (так же). Здравствуй, Антон.
С т а р и к. Я теперь не Антон, а – Питирим. Переделался, как и ты. Ну, только я могу и Антоном жить, по-старому. Ты что на меня не взглянешь?
М а с т а к о в. Видел я тебя.
С т а р и к. Где видел? Когда?
М а с т а к о в. В соборе, на паперти... а сейчас – со стройки... ты по дороге шёл с женщиной...
С т а р и к. Значит – ждал ты меня?
М а с т а к о в (молчит).
С т а р и к. Коли признал, значит – ждал!..
М а с т а к о в (угрюмо). Там, на паперти, по глазам я узнал.
С т а р и к. Так... Ну, что же, – зови меня в гости!..
М а с т а к о в (устало). Вот что, Антон... ты – умный, ты понимаешь что значит для меня... приход твой... Так ты говори сразу – чего тебе надо?
С т а р и к (усмехаясь, тряхнул головой). Разве эдак можно? Я в гости пришёл к тебе, старому другу... мы с тобой страдали вместе, а ты – чего мне надо!
М а с т а к о в. Я могу дать немало, ежели...
С т а р и к. Денег? А куда мне деньги? Я – старенький, помру скоро.
М а с т а к о в. Женщина эта с тобой...
С т а р и к. Девица. Она – умная. Она мной крепко взнуздана...
М а с т а к о в. Знает про меня?
С т а р и к. А как ты думаешь?
М а с т а к о в (хватая его за плечо). Не шути, чорт!..
С т а р и к (ловко присел и вывернулся из-под руки). Эй, эй! Ты не груби!..
(Из-за деревьев вышла Девица.)
С т а р и к. Ты меня не пугай, я все страхи видел уж...
М а с т а к о в. Чего тебе надо?
С т а р и к. Поговорить с тобой желаю...
М а с т а к о в. О чём?
С т а р и к. Мало ли!
М а с т а к о в (помолчав). Разошлись наши пути, Антон...
С т а р и к. Так ведь вот – опять сошлись!
М а с т а к о в. Сказал бы прямо – чего хочешь?
С т а р и к. Я немало хочу, гляди!
М а с т а к о в. Ну?

Старик. Максим Горький gorki.ucoz.ru

С т а р и к. Мне за все года страданья моего жалованьишко получить надо...

М а с т а к о в. Сколько?

С т а р и к. Не сосчитал ещё...

(Мастаков, спрятав руки за спину, смотрит на него с ненавистью.)

С т а р и к. Что глядишь?

М а с т а к о в. Помню я твой характер.

С т а р и к. Помнишь? Спасибо.

М а с т а к о в (с тоской). Чего тебе надо, Антон?

С т а р и к. Испугал я тебя? Жизнь-то наша, Гусев, - какова? Ты тут строишься, топыришься во все стороны, а я тихонечко иду, иду...

М а с т а к о в. Что худого я сделал тебе? Не помню.

С т а р и к. И я не помню этого.

М а с т а к о в. Я тебя жалел тогда...

С т а р и к (усмехаясь). И жалеть надо с умом. Очень умеючи жалеть надо!.. А ты как думал?

М а с т а к о в. Что же... Ты мне зла желаешь?

С т а р и к (прислушиваясь). Я те после скажу, чего желаю. Будто идёт кто-то и по дороге едут - чу? Слышишь? Я пройду на кухню, а вечером ты меня прими - ладно?

(Мастаков кивает головой, из сада Захаровна.)

З а х а р о в н а. Иван Васильич, батюшка, где же ты? Тебя ищут, ищут...

М а с т а к о в (угрюмо). Проводи его на кухню, накорми...

З а х а р о в н а. Время ли сегодня...

М а с т а к о в. Ну! Делай, как велят!

З а х а р о в н а. Там ждут тебя... (Старику.) Иди!

С т а р и к. Строговат, хозяин-то...

З а х а р о в н а. А ты знай - помалкивай...

С т а р и к. Ой, да и ты сердита! Давно не бита?

З а х а р о в н а (обернувшись к нему). Да ты что?..

М а с т а к о в (грозит ей. Оставшись один, в ужасе бормочет). Да не может быть, не может быть... господи! (Идёт к постройке, встречу ему Софья Марковна. Взволнована.)

С о ф ь я М а р к о в н а. Что за чепуху вы мне написали? Это невероятно! Это же сказка!.. Вы в своём уме? Вы - были на каторге? (Хватает его за руку.) Да говорите же!

М а с т а к о в (глядя в сторону). Был. На четыре года осудили.

С о ф ь я М а р к о в н а. За что?

М а с т а к о в. Два года пять месяцев был... потом - ушёл... бежал...

Старик. Максим Горький gorki.ucoz.ru

С о ф ь я М а р к о в н а. Не смейте говорить так! Смотрите мне в глаза. За что вас судили? Фальшивые деньги, да?

М а с т а к о в. Убийство.

С о ф ь я М а р к о в н а (отталкивая его руку). Вы – убийца? Невероятно... Как это случилось?

М а с т а к о в. Не знаю,

С о ф ь я М а р к о в н а. Да придите же вы в себя! Когда так страшно – нельзя теряться, нельзя! Как это случилось, ну? Скорей...

М а с т а к о в. Не знаю. Так я и на суде говорил – не знаю! Мне двадцать лет было тогда. Гулял я, рекрут был. Кто-то зарезал прасола... я был пьяный и не видел его, не помню, какой он. Никого не убивал. Сложилось так, что судить некого было – ну, осудили меня. Кровь нашли на мне...

С о ф ь я М а р к о в н а. Чью?

М а с т а к о в. Не знаю. Рекрута дрались, и я тоже...

С о ф ь я М а р к о в н а. Ведь это правда? Да? О, боже мой, конечно правда! Вы не могли... нет! Но – почему именно сегодня... почему вы раньше не сказали мне?

М а с т а к о в (убито). Явился человек, с которым я на каторгу шёл и жил там. Он давно тут искал меня, подсылал кого-то. Я его в четверг на соборной паперти видел, узнал...

С о ф ь я М а р к о в н а. Ах, надо было тогда же сказать мне! Ведь я же, я... верю вам!

М а с т а к о в. Я сегодня утром пытался, да вы не догадались...

С о ф ь я М а р к о в н а. Сегодня? Так, значит... Как я глупо вела себя!.. Ведь я думала... Как глупо! О, милый, простите...

М а с т а к о в. Я давно собирался рассказать вам всё... духа не хватало! Боязно. Нет у меня никого, кроме вас... а вы мне – и сестра и всё...

С о ф ь я М а р к о в н а. Чего хочет этот человек?

М а с т а к о в. Не пойму. Погубит он меня.

С о ф ь я М а р к о в н а. Нельзя говорить так! Где он?

М а с т а к о в. На кухне. Он – злой! Софья Марковна – помогите мне, на всю жизнь рабом буду вашим! Я – жить хочу!

С о ф ь я М а р к о в н а. Нет, я не допущу гибели вашей.

М а с т а к о в. Я думал – сделаю всё, как она хочет, а потом скажу:

"Вот я кто! На душе моей – нет греха. Вы научили меня доброму... до вас я смысла в жизни не видел..."

С о ф ь я М а р к о в н а. Перестаньте! Всё это не нужно сейчас.

М а с т а к о в. Верите вы мне?

С о ф ь я М а р к о в н а. Глупо спрашивать. Вы когда будете говорить с ним?

М а с т а к о в. Вечером.

С о ф ь я М а р к о в н а. Сделайте так, чтобы я слышала вашу беседу, я останусь здесь... И чтобы дети не знали ничего – понимаете?

М а с т а к о в (усмехаясь). Павел узнает – обрадуется.

С о ф ь я М а р к о в н а. И главное – говорите с ним спокойно.

М а с т а к о в. А вдруг он и вас запутает? Что тогда будет?

С о ф ь я М а р к о в н а. Меня? Глупости! Идёмте в дом!

М а с т а к о в. Софья Марковна...

С о ф ь я М а р к о в н а. Ну, что? Возьмите же себя в руки!

М а с т а к о в. Боюсь я...

С о ф ь я М а р к о в н а. Это вам не поможет!

М а с т а к о в. Вашего суда боюсь.

С о ф ь я М а р к о в н а. Но ведь вы не виноваты? Да? Ведь это несчастье?

М а с т а к о в. Да! Клянусь...

(Ушли. В кустах появилась Девушка и тупо смотрит вслед им, почёсывая подбородок.)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Большая комната, посреди неё письменный стол, три кресла. На столе горит лампа, затенённая синим абажуром. В углу, за ширмами, видно изголовье кровати. В другом углу – изразцовая печь, около неё кушетка и дверь, прикрытая тяжёлой драпировкой. Около двери – большой шкаф. Другая дверь перед зрителем. Мастаков на кушетке, полулежит. В среднюю дверь стучат.

М а с т а к о в (вставая). Ну?

З а х а р о в н а. Проснулся.

М а с т а к о в. Зови.

З а х а р о в н а. Чаю просит.

М а с т а к о в. Пусть напьётся, тогда приведёшь.

З а х а р о в н а. Иван Васильич – ты его не привечай, недобрый это старик...

М а с т а к о в. Ладно. Иди.

З а х а р о в н а. Всё он выпрашивает про тебя – как долотом долбит.

М а с т а к о в. Выпрашивает?

З а х а р о в н а. И как ты живёшь, и какие дела твои, и про Софью Марковну...

М а с т а к о в. И про неё?

З а х а р о в н а. Да, да, и про неё! Как будто он всё знает, а выпрашивает только для виду... Так вот и долбит, как судья всё равно.

М а с т а к о в. Как судья?

З а х а р о в н а. Совсем как судья!

М а с т а к о в. Он знал меня, когда... я беден был. Вместе жили...

З а х а р о в н а. Мало ли кого в жизни знавали мы.

М а с т а к о в (ходит). Софья Марковна у Тани?

Захаровна. У неё.

Мастаков. Позови поди... Вежливо. Скажи – прошу на минуту. (В дверь стучат, Захаровна хочет открыть, Мастаков, хватая за руку её.) Стой кто это?

Захаровна. Ну, что ты, батюшка, кто, кроме своих!

Мастаков (негромко, гневно). Я тебе говорю. Дура...

Софья Марковна. Вам бы на себя надо крикнуть хорошенько...

Мастаков. Иди, Захаровна.

Захаровна. Сама знаю, что надо уйти...

(Выходит из комнаты.)

Софья Марковна. Ну, что? Как вы?

Мастаков. Плохо. Тошно мне.

Софья Марковна. Какой же вы мужчина, если так трусите?

Мастаков. Велика беда.

Софья Марковна. Беда ещё не ясна...

Мастаков. Я знаю его.

Софья Марковна. Вот посмотрим, поговорим с ним, дадим ему что спросит, а потом я начну осторожно хлопотать о помиловании. Наймём лучшего адвоката. За деньги всего можно добиться! Говорят – плохо это, но если нет другой силы?

Мастаков. Не знаю, как я буду говорить с ним.

Софья Марковна. Ведь вы не чувствуете себя преступником? Чего же бояться?

Мастаков. Мало вы знаете людей.

Софья Марковна. А вот увидим. Где я буду?

Мастаков. Не надо бы этого!

Софья Марковна. Я сяду вот здесь, за шкафом... и прикроюсь драпировкой. (Улыбается.) Думала ли я, что буду принимать участие в такой удивительной истории?

Захаровна (входит, угрюмо). Не хочет он чаю. Звать?

Мастаков. Зови.

Софья Марковна. Видите – она меня не заметила... Вы смотрите же, не горячитесь!

Мастаков. А вдруг и вы попадёте со мной в капкан этот? Что тогда будет?

Софья Марковна. Молчите!

(Спряталась. Мастаков, вздохнув, смотрит в её сторону. Она выглядывает из-за драпировки, улыбаясь.)

Мастаков (с усмешкой). Забавно?

Софья Марковна. О, да... и жутко чуть-чуть! Шш... Идут!

Старик. Максим Горький gorki.ucoz.ru
(Стучат в дверь. Захаровна, пропуская Старика и Девицу, глухо ворчит. Старик крестится, глядя в угол, где кровать, потягивает воздух носом.)

М а с т а к о в (кивая на Девицу). А эту зачем привёл?

С т а р и к. Она везде со мной, как глупость моя.

М а с т а к о в. Пусть уйдёт, я при ней не стану говорить с тобой.

С т а р и к (усаживаясь в кресло у стола, спокойно). Как это – не станешь? Станешь. Ты её не опасайся, она, подобно земле, – немая; хоть бей её, хоть топчи – не закричит. А ежели меня начнут бить – закричит!

М а с т а к о в (исподлобья смотрит на Девицу; она, любопытствуя, оглядывает комнату, щупает спинку кресла). Сядь!

С т а р и к. Садись, Марина, ничего. (Подпрыгивает в кресле.) Стулья-то какие мягкие у тебя, как перина. А – темно, темновато. Больше нет свету?

М а с т а к о в. Нет.

С т а р и к. Темно живёшь. Хорошо, сыто, мягко, а – темно!

Д е в и ц а. Дух хороший какой, будто ребячьим потом пахнет...

С т а р и к. Сними колпак с лампы!

М а с т а к о в. Зачем?

С т а р и к. Светлей будет. Это глупость – свет прикрывать. Ну, вот... А чем угостишь?

М а с т а к о в. Водки хочешь?

С т а р и к (смеясь). Э, нет! Водочку я не стану пить, нет! Хитрый ты, Гусев...

М а с т а к о в (ударив ладонью по столу). Ну, давай говорить!

С т а р и к (вздвигнув). Ты не стучи зря-то! Ишь, словно из пистолета выпалил... Эти окошки куда выходят? Марина, – взгляни!

М а с т а к о в. Ну, чего же тебе надо, Антон?

С т а р и к (следя за Девицей). На двор, что ли?

Д е в и ц а. На двор. Чёрное крыльцо сбоку...

М а с т а к о в. Чего ты хочешь?

С т а р и к. А чего бы мне, старичку, хотеть?.. Не знаю.

М а с т а к о в. Говори сразу. Не издевайся, Антон, не серди меня...

С т а р и к. А то – что будет?

М а с т а к о в (вставая). А то я...

С т а р и к (откачнулся в кресле). Ну, ну...

Д е в и ц а. Вы не кричите, купец, тут – люди везде у вас, это вам нехорошо. Вы отодвиньтесь.

М а с т а к о в. Молчи, девка!

С т а р и к. Молчи, Марина, ничего! Я его знаю, он хоть горяч, да отходчив... Он добрый.

М а с т а к о в. Что тебе надо, Антон?

С т а р и к. А я ещё не надумал. Ты – потерпи, я исподволь придумаю...

М а с т а к о в. Злой ты человек!

С т а р и к. Мы все одного завода кони, только разной масти.

(Пауза.)

С т а р и к (начинает говорить негромко и жалобно, но – быстро переходит в тон насмешливый и властный). Вот, Митрий, сидим мы с тобой друг против друга, оба – грешники, только я – отстрадал за грехи мои смиренно, но закону, а ты – бежал страдания-наказания. Я – высох до костей, а ты распух в богатстве, на мягких стульях сидя. И вот – встретились мы. Я тебя семь годов искал – была у меня вера, что ты жив-здоров и в добром порядке. Да...

М а с т а к о в. Говори скорее.

С т а р и к. Не торопись, обожжёшься!.. Знаешь – как детишкам за столом говорят, когда щи горячие поданы? Не торопись – обожжёшься! Так вот – искал я тебя. Любопытно мне было поглядеть на смелого человека, который через закон перешёл. Христос за чужие грехи отстрадал, а ты за свой – не восхотел. Ты – смелый!

М а с т а к о в. Я тому греху не причастен, я ошибкой осужден...

С т а р и к. Все мы так говорим пред земным судом, друг пред другом, это я знаю! Я сам так говорил, в своё время...

М а с т а к о в. Я жил доброй жизнью в эти годы...

С т а р и к. Ишь ты что! Нет, Гусев, это не годится! Эдак-то всякий бы наделал мерзостей земных да в добрую жизнь и спрятался. Это – не закон! А кто страдать будет, а? Сам Исус Христос страдал, древний закон нарушив. Закон был – око за око, а Христос повелел платить добром за зло.

М а с т а к о в. Я добра людям не мало сделал...

С т а р и к. Не видать этого. Люди живут, как жили, в нужде да бездолье, во тьме греховной... И всё, будто, хуже живут люди-то, замечаешь, Гусев?

М а с т а к о в. Ну, что же тебе надо от меня? Что?

Д е в и ц а. Вы не перебивайте его, не мешайте, он этого не любит...

М а с т а к о в. Антон!

С т а р и к. Зовут меня – Питирим. А чего мне надо – сам догадайся. Ведь я одинаковых костей с тобою, однако я двенадцать лет муки мученской честно-смиренно отстрадал, а ты – отрёкся закона...

М а с т а к о в. Что же ты, донести хочешь на меня?. Чтобы схватили меня?..

С т а р и к. Я тебе не сказал, чего хочу.

М а с т а к о в. Ну, предашь ты меня суду, разоришь мою жизнь, – какая в этом польза тебе?

С т а р и к. Моё дело.

М а с т а к о в. Жить тебе – недолго.

С т а р и к. Зато хорошо поживу.

М а с т а к о в. Работать ты не можешь.

С т а р и к. Ты для меня заработал, мне хватит.

М а с т а к о в. Оставь меня, Антон, какой ты мне судья?

С т а р и к. Тебе всякий человек – судья. Зачем бежал? Зачем страдания не принял?

М а с т а к о в. Жить хотел я, работать.

С т а р и к. Страдание святее работы.

М а с т а к о в (гневно). Зачем оно? Какая от него польза? Кому? Кому? Ну, говори, дьявол!

С т а р и к. Не лайся, я смолоду облаян! Ты у меня в горсти, как воробей пойман. Мне ведь не страшно, что ты хорошей жизни достиг, любовницу себе завёл барыню...

М а с т а к о в (яростно). Цыц! Не смей! (Бросается на него.)

Д е в и ц а (бежит к окну). Батюшки!..

С т а р и к (падая на пол, за стол). Бей стёкла!

С о ф ь я М а р к о в н а (высочив из угла, отталкивает Девушку к столу, хватая Мастакова за руку). Уйдите! Вы, девушка, тоже – вон отсюда!

С т а р и к (встал, испуганно озирается). Ишь ты, как подстроено... а?

Д е в и ц а (прижимаясь к нему). Что это, господи... а ещё хорошие люди считаются...

М а с т а к о в (мечется по комнате). Эх, Софья Марковна, не входите вы в это дело, бога ради!

С о ф ь я М а р к о в н а. Идите отсюда! Девушка – вы тоже...

С т а р и к. Она не пойдёт!

Д е в и ц а. Я не пойду-с!

С о ф ь я М а р к о в н а. Иван Васильевич, выведите её! А вы, старичок, сядьте, я хочу поговорить с вами.

С т а р и к (угрюмо). Не желаю. Вы – кто такая? Не знаю я вас.

С о ф ь я М а р к о в н а. Познакомимся.

С т а р и к. Я тоже уйду.

С о ф ь я М а р к о в н а. Ну-ну, без глупостей! Иван Васильевич, я вам сказала – уходите! Скажите вашей спутнице, чтобы она ушла...

С т а р и к (помолчав). Выдь, Марина, за дверь... Недалеко, смотри! Только, госпожа, меня испугать нельзя.

С о ф ь я М а р к о в н а. О, я знаю! Я не хочу пугать вас. (Заперев дверь за Мастаковым и Девушкой, села в кресло против Старика.) Ну, в два слова: вам чего надо?

С т а р и к (оправляясь). А – как вы думаете, барыня, чего?

С о ф ь я М а р к о в н а. Вы хотели помучить человека, да? Вас мучили, и вы хотите помучить – так?

(Старик молчит, разглядывая её.)

С о ф ь я М а р к о в н а. Вам обидно, что бывший товарищ ваш нашёл для себя на земле место и дело, а у вас – нет этого?

С т а р и к (усмехаясь). Ты всё время подслушивала?

С о ф ь я М а р к о в н а. Ну, вы достаточно жестоко помучили его довольно!

С т а р и к (насмешливо). Довольно? Так. Очень просто.

С о ф ь я М а р к о в н а. Теперь вспомните все обиды, всё горе, испытанное вами, всю вашу тяжёлую жизнь и – спросите себя: не пора ли отдохнуть, пожить спокойно, приятно?

С т а р и к. Вот что-о! Ну, на это ты меня не поймашь, барынька, нет!

С о ф ь я М а р к о в н а. Послушайте, я понимаю, как глубока обида ваша, как вам хочется отомстить.

С т а р и к. А я думал, у тебя другие слова есть – поумнее, потяжеле... Бойка ты, барынька, а не великого ума...

С о ф ь я М а р к о в н а. Ведь вы мстите не тому, кто виноват пред вами...

С т а р и к. А если я так понимаю, что все виноваты друг пред другом? Тогда – как?

С о ф ь я М а р к о в н а. Это неверно, несправедливо!

С т а р и к. А по-моему – справедливо.

С о ф ь я М а р к о в н а. Но ведь вы несправедливо страдали, вы?

С т а р и к (не сразу). Ну?

С о ф ь я М а р к о в н а. Зачем же, чувствуя и зная неправду страдания, увеличивать его для других?

С т а р и к. Та-ак! Гусев твой согрешил, а хочет в рай? Это не для него, рай! Это для меня, для таких, как я, несчастных. Так полагается. Закон. А насчёт Гусева: коли я – в горе, так ему – вдвое!

С о ф ь я М а р к о в н а. За что? Какой вы злой!

С т а р и к. Ты, барынька, видно, замуж собираешься за него? За любовника не стала бы стараться эдак. Любовник – прохожий человек, сегодня – рыжий, завтра – чёрный. Эх, вы, бабье! Утопить бы вас всех надо, да поганого болота нет.

(Софья Марковна молча ходит по комнате.)

С т а р и к (глядя на неё с усмешкой). Что же ещё скажешь?

С о ф ь я М а р к о в н а. Иван Васильевич – хороший человек, он делает много полезного...

С т а р и к. Училище строит? Так... Строить надо не училища, а странноприёмные дома. Народ странствует – приткнуться ему негде.

С о ф ь я М а р к о в н а. Неужели вам будет приятно разбить чужую жизнь, чужое счастье?

С т а р и к. Вот ты и выдохлась вся! А ведь какой птицей, орлом влетела, подумаешь! Счастливых я не люблю, счастливый – он гладкий, за него не ухватишься, выскользнет, как мыло. Нет, барынька, не одолеешь ты меня!

С о ф ь я М а р к о в н а (задумчиво, с тоской). Что же надо сделать, чтобы смягчилась ваша душа, что?

С т а р и к (усмехаясь). А вот – выходи за меня замуж, целуй меня, ласкай...

С о ф ь я М а р к о в н а. Вы – мерзавец!

С т а р и к. Может, я мягче стану после того. А что я мерзавец говорили мне это. И это для меня хорош чин, я с ним доживу.

С о ф ь я М а р к о в н а. Какой ужас... Какая злоба...

С т а р и к. Не согласна? Брось всё это, барыня: волка сахаром не накормишь. Давно обрыдли, опротивели мне люди, а такие вот, чистенькие, особо противны.

С о ф ь я М а р к о в н а (почти кричит, задыхаясь). Послушайте - ведь есть же в душе у вас что-нибудь человеческое?

С т а р и к. Обязательно есть. Ищи! Нет, не можешь ты найти, не найдёшь. Чем тебе утихомирить меня? Никаких сил нет у тебя! Жить мне осталось немного, да и то стариком, без радостей. Молодое моё время я потратил в наказании, там осталась вся сила моя. Ты думаешь, для меня женщина не сладка была? А я - двенадцать лет не касался груди женской, всё на тебя работал да на голубчика твоего. Что мечешься, а? Жгётся правда?

С о ф ь я М а р к о в н а. Вы не тому мстите, кто искажил вашу жизнь, не тому! О, господи!

С т а р и к. Мне виноватых искать некогда... А Гусев - он вот где у меня, как воробей зажат. Он своего сроку-страдания не дотерпел - почему? Я - дотерпел до конца. Судья ли я для него? Законный, непощадный судья. Вы меня замучили, а хотите мириться? Нет мира вам, и не будет! За каждую слезу мою я с вас по пуду золота не возьму... Выпусти меня отсюда... слышь? Будет... поговорили!

С о ф ь я М а р к о в н а. И ничего - ничего доброго не осталось в сердце у вас?

С т а р и к. Будет, говорю, довольно! Ничего ты не добьёшься. Для меня жизнь безжалостна была. (Идёт к двери, остановился.) Нет, как ты влетела, а? Я думал - ну, кончено! Эта сомнёт меня... (Смеётся. В двери Мастаков и Девица.) Устал я, Гусев, отдохнуть надо мне, иди, укажи где! В кухне у вас старушка больно зла - мешает мне...

Д е в и ц а. Идите, братец, спаньё приготовлено.

С т а р и к. Хороша у тебя защита, Гусев, редко хороша! На суде не поможет, а - хороша! Что ж, барынька, когда он снова в Сибирь пойдёт, и ты с ним, поселенкой? Не пойдёт она за тобой, Гусев! В трудный час баба не друг... Эх вы, узники божий... глядеть на вас жаль!

(Ушёл.)

М а с т а к о в (негромко). Уезжайте домой, Софья Марковна, а то...

С о ф ь я М а р к о в н а. Молчите! Какой ужасный человек... до чего довели! Я поеду в город, посоветуюсь... прокурор - мой хороший знакомый... Я завтра же вернусь. Нет, лучше вы приезжайте... прямо ко мне. Вы слышите? Вам надо уйти отсюда. Это - дьявол! Боже мой, боже мой, как он смотрит, какие глаза! Вы говорили с его девицей?

М а с т а к о в. Да. Она - как машина.

С о ф ь я М а р к о в н а. Глупая?

М а с т а к о в. Мёртвая какая-то... Ничего не будет, Софья Марковна, ничем не поможешь. Человеческий суд... злобно судит человек ближнего! Бывало - читаешь жития святых - приятнейшие книги - умиляешься: сколько было грешников во святых! Утешало это, думалось: вот и я как-нибудь покрою грех... прощён буду...

С о ф ь я М а р к о в н а. В чём - грех? Ведь вы же говорите...

М а с т а к о в (усмехаясь). Да уж я теперь сам не знаю... Неповинен я, не убивал, не грабил... А вот он, этот... Может, я в чём другом грешен? Не знаю...

С о ф ь я М а р к о в н а. За что его судили?

М а с т а к о в. За насилие над несовершеннолетней...

Старик. Максим Горький gorki.ucoz.ru

С о ф ь я М а р к о в н а (вздвогнув). Вот как... Приведите ко мне эту девицу!

М а с т а к о в. Не надо бы...

С о ф ь я М а р к о в н а. Приведите! Необходимо удержать его язык дня на два...

М а с т а к о в. В случае чего вы, пожалуйста, Таню к себе возьмите...

С о ф ь я М а р к о в н а. Ах, перестаньте вы...

М а с т а к о в. Она беспомощная...

С о ф ь я М а р к о в н а. Идите за девицей.

М а с т а к о в (идёт). Лишнее... Противен я себе...

(Софья Марковна, оставшись одна, ходит по комнате, взволнована. Дверь около печи тихо отворяется, выглядывает Захаровна и шепчет.)

З а х а р о в н а. Софья Марковна! (Её шопот не слышен Софье Марковне.) Барыня, матушка...

С о ф ь я М а р к о в н а (изумлённо). Как? Вы были там? Вы слышали?

З а х а р о в н а (со слезами в голосе). Я сразу, как пришёл он, почуяла недоброе, на Ивана Васильича глядя. А вскоре слышу – говорит он девице своей: "Мы, говорит, с тобой большими кораблями поплывём отсюда".

С о ф ь я М а р к о в н а (с недоверием). Он сказал это, да, сказал?

З а х а р о в н а. Сказал. "Гляди, говорит, дура, здесь счастье твоё!"

С о ф ь я М а р к о в н а (волнуясь). Вы не ошиблись – вы слышали это?

З а х а р о в н а. Ну, да... Господи! я боюсь его, тенью ползаю за ним, всё слышу...

С о ф ь я М а р к о в н а (обрадовалась). А-а, вот как! Значит, это он только цену набивал? О, какой мерзавец!

З а х а р о в н а. Софья Марковна...

С о ф ь я М а р к о в н а. Приведите ко мне девицу эту!

З а х а р о в н а (тихо). Лучше бы старичка-то как-нибудь своим средством...

С о ф ь я М а р к о в н а. Что? каким средством?

З а х а р о в н а. Я бы достала... У меня есть...

С о ф ь я М а р к о в н а (с досадой). Что такое? какое средство?

З а х а р о в н а. От мышей...

С о ф ь я М а р к о в н а (изумлённо). Мышьяк, да?... Мышьяком?

(Захаровна, утирая глаза, утвердительно кивает головой.)

С о ф ь я М а р к о в н а (в страхе, тихо). Но – послушайте! Это невозможно... это...

З а х а р о в н а. Уж я сама сделаю...

С о ф ь я М а р к о в н а. Но это же преступление, убийство, грех!

З а х а р о в н а (вздвогнув). Грех!

С о ф ь я М а р к о в н а. И вы, такая милая, решаетесь?... Это безумие!

З а х а р о в н а. А как иначе с ним? Ведь ограбит он, разорит всё гнездо... Не уступит он – знаю я таких! Они, праведники, богу ябедники...

С о ф ь я М а р к о в н а. И вы думаете, что я соглашусь на такое? Или вы испытать меня хотели?

З а х а р о в н а. Полноте, матушка, как я могу пытаться вас, что вы?

С о ф ь я М а р к о в н а. Но тогда... Неужели вы думаете, что Иван Васильевич способен отравить?

З а х а р о в н а. Я бы сама уж...

С о ф ь я М а р к о в н а (испуганно). Господи, боже мой!.. Не понимаю ничего!

З а х а р о в н а. Вы – умница, учёная... неужто вы допустите, чтоб червяк этот...

С о ф ь я М а р к о в н а (почти плачет). Но поймите – это убийство!

З а х а р о в н а. А куда денутся дети, если это случится? Срам-то какой будет для Тани! И Павел – ведь он пропадёт! Ведь им – жить надо! А вы – как?

С о ф ь я М а р к о в н а. Непостижимо! Слушайте... я вам запрещаю даже думать об этом. Поняли? А мышьяк – дайте мне сейчас же...

З а х а р о в н а. Не сумеете вы...

С о ф ь я М а р к о в н а (возмущена). Идите вон! Вы сумасшедшая... Вы не смеете подозревать меня в этом!.. Вы из ума выжили, старуха!

(Захаровна стоит молча.)

С о ф ь я М а р к о в н а (спокойнее). Вы всех погубите... вашими фантазиями... Позовите девицу! Слышите?

(В дверь стучат. Мастаков вводит девицу.)

С о ф ь я М а р к о в н а (ему). Идите сюда! (Отводит его в сторону, шопотом.) Смотрите за этой глупой старухой – она предлагает отравить старика, у неё есть мышьяк – вы поняли?

М а с т а к о в. Час от часу не легче!

С о ф ь я М а р к о в н а. Уходите! Уведите её...

М а с т а к о в (уходя). Идём, Захаровна...

С о ф ь я М а р к о в н а (девице). Садитесь.

Д е в и ц а. Ничего.

С о ф ь я М а р к о в н а. Садитесь, я вас прошу.

(Девица, улыбаясь, садится в кресло, ощупывает его.)

С о ф ь я М а р к о в н а. Послушайте! Ваш... покровитель...

Д е в и ц а. Братец. Старец.

С о ф ь я М а р к о в н а. Он хочет погубить хозяина этого дома. Вы знаете это?

Д е в и ц а. Знаю. Как же...

С о ф ь я М а р к о в н а. А вы – тоже хотите этого?

Д е в и ц а. Мне – что? Мне здешний хозяин чужой человек...

С о ф ь я М а р к о в н а. Вам не жалко его?

Д е в и ц а. Родных не жалеют, не то что...

С о ф ь я М а р к о в н а. Вы – женщина?

Д е в и ц а. Девица я. А что?

С о ф ь я М а р к о в н а. Вы – молодая, вам долго жить...

Д е в и ц а. Как бог даст.

С о ф ь я М а р к о в н а (вскочив, ходит по комнате, в отчаянии шепчет). Не умею... не могу! О, боже мой... Не могу!

Д е в и ц а (с улыбкой). Платице-то на вас какое... И сапожки тоже...

С о ф ь я М а р к о в н а (подошла к ней). Я хочу просить вас уговорите вы старика не делать зла человеку!

Д е в и ц а. Несговорчив он...

С о ф ь я М а р к о в н а. Какая вам польза разрушать жизнь? Разве вы судья людям? Разве мы судьи друг другу?

Д е в и ц а. А – как же? Судим. Меня судили...

С о ф ь я М а р к о в н а (упавшим голосом). Да? За что?

Д е в и ц а. За ребёночка. Я в коровнике родила, а холода были в ту пору, он и задохся на морозе... Сказали – я сама удушила... засудили.

(Софья Марковна снова ходит по комнате.)

Д е в и ц а. Вы скорее говорите, что надо, а то старец не любит, когда я отхожу...

С о ф ь я М а р к о в н а (подходя к ней, разбитая, жалобно). Я всё сказала вам, – мне нечего говорить. Я – не умею! Я прошу у вас помощи уговорите старика не делать зла здесь! Я дам за это денег сколько хотите!

Д е в и ц а (недоверчиво). Мне?

С о ф ь я М а р к о в н а. Да, да, – вам!

Д е в и ц а. Отнимет он.

С о ф ь я М а р к о в н а. Уйдите от него!

Д е в и ц а. Куда? Он найдёт. Он – упрямый. Нет, уж коли вы мне дадите деньги-то, тогда надо иначе что-нибудь делать...

С о ф ь я М а р к о в н а. Вы – женщина...

Д е в и ц а. Девица я.

С о ф ь я М а р к о в н а. Вы должны пожалеть человека!.. Будьте же доброй...

Д е в и ц а. Ой, барыня, больно дорого нашей сестре доброта обходится! Была я разок добра – девятый год клянусь себя за это, дуру...

С о ф ь я М а р к о в н а. Мы все несчастны...

Д е в и ц а (оглядывая её). Ну, не все... Где же все? (думает вслух.) Конечно, если секрет ваш в моих руках, вы меня не обидите... Хоша... (пристально, с улыбкой смотрит на неё.) Окормить можно...

С о ф ь я М а р к о в н а (нетерпеливо). Кого?

Д е в и ц а. Всякого. Хоша – с деньгами можно далеко уйти... Я бы ушла. А он – пожил на свой пай, старец-то...

С о ф ь я М а р к о в н а. Он плохо обходится с вами?..

Д е в и ц а. Ну... разно!

С о ф ь я М а р к о в н а. Вы ему – чужая?

Д е в и ц а (вздыхнув). Собака я ему. Пристала по дороге собака, идёт. Нужна – ласкают, надоела – бьют. Все добры по нужде, а по своей воле звери. Хозяин-то – любезный ваш?

С о ф ь я М а р к о в н а. Он – хороший человек.

Д е в и ц а. Все хороши, когда просят. Ну, что ж, надо мне идти!

С о ф ь я М а р к о в н а. Вы мне поможете, да?

Д е в и ц а. Видно, надо помочь.

С о ф ь я М а р к о в н а. Я была уверена, что у вас доброе сердце!

Д е в и ц а. Баба, ну, и сердце бабье. Пойду... Надо со старушкой вашей потолковать...

С о ф ь я М а р к о в н а (беспокойно). Вы с ней... осторожно! Она не совсем в своём уме.

Д е в и ц а. В старости все так. Она – хорошая старушка однако... Барыня, что я попрошу вас!

С о ф ь я М а р к о в н а. Что такое? Пожалуйста!

Д е в и ц а (нищенски). Нет ли у вас платьишка, обносочка какого? И сапожки бы! Платьишко-то особо хорошо бы мне – вроде бы того, что на вас. Очень уж ловконькое...

С о ф ь я М а р к о в н а (изумлённо). Да ведь вы... ведь вам... Хорошо, я найду для вас платье, не одно... И ботинки...

Д е в и ц а. Во-от! Уж я так-то благодарна буду...

Т а н я (входит). Эта зачем здесь?

С о ф ь я М а р к о в н а. Подожди, Таня!

Д е в и ц а. Дочь его?

С о ф ь я М а р к о в н а. Да.

Д е в и ц а. А кудрявый – сын?

Т а н я. Что ей надо?

С о ф ь я М а р к о в н а. Молчи, Таня, прошу тебя!

Д е в и ц а. Вот как – сын да дочь! Ой, барыня, не легко, чай, тебе! Видно, бабье сердце и у тебя плохо свою выгоду понимает.

(Ушла.)

Т а н я (удивлённо). Что такое? Что такое она говорит? Она гадала вам?

С о ф ь я М а р к о в н а (торопливо). Да, да, гадала! Что с тобой? Ты взволнована?

Т а н я (растерянно). Я не знаю что, я боюсь! Захаровна бормочет о каком-то несчастье...

С о ф ь я М а р к о в н а (испуганно). О несчастье? Каком?

Т а н я. Ах, я не знаю... Она всегда дразнит меня, пугает... Здесь жить нельзя... Павел влюбился в вас...

С о ф ь я М а р к о в н а. Не говори чепухи!

Т а н я. Конечно! Оттого он и злится. Влюблённые всегда злятся. Он целует ваши перчатки... Вы бы надрали уши ему.

С о ф ь я М а р к о в н а. Подожди... Какая путаница!

Т а н я. Нет... Я ничего не понимаю, сегодня такой день – ужасно! Это удивительно – я училась в гимназии и ничего не понимаю, а Захаровна неграмотная, а всё понимает! О каком несчастье говорит она?

С о ф ь я М а р к о в н а (гневно). Она глупая старуха! Я сейчас скажу ей это!
(Идёт к двери.)

Т а н я. Не уходите! Я хочу спросить... Убежала... Так не солидно. (Перебирает вещи на столе, напевая.) Он прискачет на белом коне, Стукнет шпагой в окно ко мне...

П а в е л. Где вотчим?

Т а н я. Не знаю. Паша, отчего у нас сегодня так беспокойно?

П а в е л. Дремать тебе мешают? Ведь ты не живёшь, а дремлешь.

Т а н я. А что значит – жить? Целовать дамские перчатки?

П а в е л. Это кто целует перчатки?

Т а н я. Ты.

П а в е л. Дура!

Т а н я. Не смей ругаться!

П а в е л. Тебя бить надо!

Т а н я. Ступай вон!

П а в е л. Сама убирайся к чорту!

Т а н я (сквозь слёзы). И уйду... Дрянь!

П а в е л. Клякса! Мякиш!

(Оставшись один, сердито ходит по комнате, закуривает. Вдруг – остановился, вслушиваясь, осторожно подвигается к окну.)

С т а р и к (за окном). Ласкам ихним не верь. Всяк милостив будет, коли его за горло взять.

(Павел, оглядываясь, растерянно улыбаётся, ерошит волосы, снова слушает.)

С т а р и к. Я его знаю, он и молодой таков был...

М а с т а к о в (входит, смотрит на Павла, идёт к нему, тот не слышит шагов. Кладёт Павлу руку на плечо). Ты что?

П а в е л (отскочив). Ничего...

(Смотрит на отчима со страхом и идёт к двери. Мастаков выглянул в окно, быстро оборачивается к нему, протягивая руку.)

М а с т а к о в. Павел... Паша...

(Павел ушёл, громко хлопнув дверью.)

М а с т а к о в. Знает!.. Ну что ж...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Лунная ночь, очень светло. Задний фасад старого дома. На ступенях чёрного крыльца сидят З а х а р о в н а и Т а н я, выше – в двери – Д е в и ц а, она что-то жуёт. Налево решётка сада, с калиткой в ней. Слева от крыльца освещённое окно кухни, справа – окна комнаты Мастакова, под ними широкая скамья.

Т а н я. Ну?

З а х а р о в н а. Ась?

Т а н я. Рассказывай!

З а х а р о в н а. Задумалась я чегой-то... Вот, значит, любила я трёх...

Т а н я. Трёх.

З а х а р о в н а. Ну, ладно, троёх. И так можно сказать, от этого не прибудет, не убавится. Мужа я тоже любила, очень жалела! Омману его с кем, и так-то ли жалко станет мужика, – беда! Даже – плакала. Бывало – думаешь: "Ах ты, милый мой, ты мне веришь, ты меня любишь, а я тебя омманула, с другим поиграла..." и так-то ли залюбишь, заласкаешь его...

Т а н я. Разве это хорошо?

З а х а р о в н а. Погоди, сама узнаешь.

Т а н я. Все так делают?

З а х а р о в н а. Поди – все, которые побойчее. Я бойкая была.

Т а н я. А кто у тебя первый был?

З а х а р о в н а. Землемер, межевщик. Гладенький такой, как мышь. А у меня двое братьев было, строгие. Как он меня, девушку, испортил, повезли они его рыбу лучить да и утопили...

Т а н я (задумчиво). Как ты говоришь... не страшно...

З а х а р о в н а. Чего?

Т а н я. О страшном говоришь, а – не страшно.

З а х а р о в н а. Я не о страшном, а про любовь.

Т а н я. Жалко тебе было его?

З а х а р о в н а. Кого?

Т а н я. Ах! Землемера, конечно.

З а х а р о в н а. Ревела. Молода ещё была, жалостлива. Наше бабье дело жалостливое – назначено нам мужиков любить, ну, и любим. Иной раз – не любовь, а казнь, ну – иначе нельзя! Одного – жалко, другого – боязно, третий – хорош удался, всех и любишь.

П а в е л (в двери, сзади Девыцы). Опять ты, старая ведьма, разговоры эти завела? А тебе, Татьяна, не стыдно? Ну – погодите!

(Исчезает.)

З а х а р о в н а (шутит). Ой, напугал! Во всех углах он, как нечистый дух. Опять про это! А – про что мне? Я – неучёная, кроме своей жизни, ничего не знаю...

Т а н я. Меня стыдит, а у самого любовница в городе.

Д е в и ц а. Сами стыд творят, а нас судят за это.

З а х а р о в н а. Спит бродяжка твой?

Д е в и ц а. Лежит.

Т а н я (Девыце). Ты гадаешь?

Д е в и ц а. Это как? На картах?

Т а н я. Я не знаю – на картах, по руке...

Д е в и ц а. Что ты, барышня, это грех! Я ведь не цыганка.

Т а н я. А как же давеча Софье Марковне гадала?

Д е в и ц а. И не думала!

З а х а р о в н а (тревожно). Это они так – беседовали...

Т а н я. Неправда! Мне сама Софья Марковна сказала. Вы что-то скрываете от меня...

З а х а р о в н а. Ну, полно-ка, господь с тобой! Что от тебя, умненькой, скроешь? Ты сама обо всём догадаешься.

С т а р и к (вышел на крыльцо). О чём беседа?

З а х а р о в н а. Бабы погудки, курицы да утки, как коров доить, как парней любить...

С т а р и к. Стара ты будто для шуток этих.

З а х а р о в н а. Я смолоду шутливо живу.

Т а н я. Что он тут распоряжается? Удивительно!

С т а р и к. И девыцу не хитро учишь, слышал я речи твои поганые...

З а х а р о в н а. Девышка не цыган, зачем ей хитрость? Ей не лошадьми торговать...

Т а н я. Ты что тут распоряжаешься, скажи, пожалуйста?

З а х а р о в н а. Ты бы, строгий, рассказал нам чего-нибудь...

С т а р и к. Я до сказок не охоч.

З а х а р о в н а. А ты – правду!

С т а р и к. Правда – не забава.

(Сходит с крыльца, остановился, поглядел в небо, идёт вдоль решётки сада.)

Т а н я. Противный какой! Распоряжается, как дома...

З а х а р о в н а. Танюша, поди, милая, спать, а? Пора уж!

Т а н я. Не хочу!

З а х а р о в н а. Ну... принеси мне шаль, а то – холодно старухе! Сходи, Таня, пожалуйста!

Т а н я. Ладно... лиса!

(Ушла.)

З а х а р о в н а (тихо Девнице). Ну – как же?

Д е в и ц а. Уж больно много сулите вы...

З а х а р о в н а. Кто это – мы? Кроме меня, и знать ни душа не будет.

Д е в и ц а. А – барыня? Она тоже просила об этом.

З а х а р о в н а (испуганно). Просила? Полно-ка!

Д е в и ц а. Да уж так!

З а х а р о в н а (беспокойно). Ах, ты, господи... Послушай, ведь в этом счастье твоё... Ты слушай меня, старуху...

П а в е л (выходит из кухни). Не слушай её, молодых слушай!

Д е в и ц а. Молодым верить погодим.

П а в е л. Пойдём в сад со мной?

Д е в и ц а. Боюсь я тебя.

П а в е л. Чем я страшней других?

Д е в и ц а. Кудряв больно.

П а в е л. Идём, ну?

Д е в и ц а. Что ж, можно...

З а х а р о в н а. О, господи... И ничего не можешь, ничем не помешаешь...

С т а р и к (идёт, заглядывая в сад). С кем это она?

З а х а р о в н а. С хозяйским сыном.

С т а р и к. Мм... Лошадь! Чего не спишь?

З а х а р о в н а (вставая). А ты?

(Старик, не ответив, присел на лавку под окнами. Захаровна, сердито посмотрев на него, ушла в кухню.)

М а с т а к о в (в окне). Антон!

С т а р и к (вздвогнул, но не встал, не обернулся). Чего?

М а с т а к о в. Что же будет?

С т а р и к (не глядя на него). Сотряс я твою жизнь, Гусев, во прах сотряс, а?

М а с т а к о в. Чему радуешься, подумай!

С т а р и к. Ты – года гнездо каменное строил себе, а я – в один день всё твоё строение нарушил!.. Кто сильнее – ты, богач, аль я – бездомный бродяга, кто?

М а с т а к о в. Чего тебе надо, чего? Неужели только казнить меня?

С т а р и к. А ты вот тресни меня по голове, сверху-то тебе ловко это...

М а с т а к о в. Подумай – около меня до трёх тысяч человек кормится...

С т а р и к. И тебя не будет – прокормятся! Народ хозяина найдёт!

М а с т а к о в. Я – значительный человек...

С т а р и к. Это – в людях. А перед богом – значителен?

М а с т а к о в. О том богу судить, а не тебе.

С т а р и к. И не тебе тоже.

М а с т а к о в. Чего ты хочешь?

С т а р и к. Дай подумаю... потом скажу. Вон – приятель твой идёт, пьяница этот...

Х а р и т о н о в (заспанный, измятый, идёт из сада, увидав издали Мастакова в окне). А я прилёг вздремнуть в беседке, да и – того. Вдруг слышу голоса... м-да... Открыл глаза, гляжу на часы, а уж около полуночи! Стало быть, я здесь ночью...

(Мастаков исчез.)

Х а р и т о н о в. Вежливо! (Присел на крыльцо, позёвывая.) Ну, что же, старче, ходишь, бога хвалишь, кур воруеть?..

С т а р и к. В похвале нашей бог не нуждается, ему покаяние нужно.

Х а р и т о н о в. Покаяние? Гмм... А ежели мне не в чем каяться?

С т а р и к. Врёшь!

Х а р и т о н о в (рассердился). Ты что как говоришь, старый пес? Я с тобой вежливо, а ты...

С т а р и к (встал и идёт на крыльцо). Пусти... Ну!

Х а р и т о н о в (невольнo отодвигаясь). Постой, да ты чего это...

(Старик прошёл мимо него, задев его полон.)

Х а р и т о н о в (встряхиваясь). Ах ты, негодяй, а?

(Павел идёт из сада оживлённый, за ним – Девушка.)

Х а р и т о н о в. Что это за старичишка дерзкий явился тут у вас?

П а в е л. Он вотчима давно знает...

Х а р и т о н о в. Ну, так что? И я его давно знаю!

П а в е л. Ещё в молодости...

Х а р и т о н о в. В молодости? Ну?

П а в е л. Приятелями были...

Х а р и т о н о в (задумчиво). Так... Мм... Это он сам сказал?

П а в е л. Она вот...

Х а р и т о н о в (присматриваясь к Девушке). Она? А отчего это не спят все?

П а в е л. Яков спит.

Х а р и т о н о в. Где?

П а в е л. У меня.

Х а р и т о н о в (помолчав). Квасу бы выпить или чаю...

П а в е л. В столовой самовар кипит.

Х а р и т о н о в. В полночь-то? Гм...

(Встал, идёт в кухню, манит Павла за собою, Павел неохотно следует за ним. Девица стоит у крыльца, мечтательно улыбаясь. Из кухни выглянула Захаровна.)

Д е в и ц а. Поди-ка сюда!

З а х а р о в н а. Что?

Д е в и ц а. Посиди со мной...

З а х а р о в н а. Спать пора.

Д е в и ц а. Ничего, посиди! (Помолчав.) Паренёк-то этот...

З а х а р о в н а (тревожно). А что?

Д е в и ц а. Хорош. Ласковый.

З а х а р о в н а. Он что тебе говорил?

Д е в и ц а. Так, разное...

З а х а р о в н а. А всё-таки?

Д е в и ц а. Ну, сама знаешь, что девицам говорят.

З а х а р о в н а. О, господи Иисусе... Да ты... (Сдержалась.) Ты с ним много не болтай про вотчима-то...

Д е в и ц а. Больно мне нужно.

З а х а р о в н а. То-то!.. Он ещё глуп...

Д е в и ц а (вздохнув). Молоденький...

П а в е л (кричит из дома). Захаровна!

З а х а р о в н а. Иду... Эх, досадушка моя...

С т а р и к (из окна). Марина!

Д е в и ц а. Чего?

С т а р и к. Ты тут?

Д е в и ц а. Ну да.

С т а р и к (вышел на крыльцо, оглядывается). О чём с парнем говорила?

Д е в и ц а. Имя спрашивал, сколько лет мне, откуда я... Слушай-ко...

С т а р и к. Ну, что?

Д е в и ц а. Брось-ка всё это...

С т а р и к (настораживаясь). Бросить? Зачем?

Д е в и ц а. Возьми с них денег побольше да и ладно! А то запутают они нас.

С т а р и к (помолчав). Тебе жалко их, что ли?

Д е в и ц а. И жалко. Они – смирные. Живут – хорошо, всё есть... Три коровы, лошади, до полуста кур, гуси... Свины тоже...

С т а р и к (спокойно). Дура!

Д е в и ц а (помолчав). Слушай-ко...

С т а р и к. Ещё что?

Д е в и ц а. У тебя сила на них, вот ты бы велел хозяйскому-то сыну замуж меня взять... Я бы с ним жила, а ты – при нас. Я тебя не обижу...

С т а р и к. И опять дура!

Д е в и ц а. Что ты заладил – дура да дура? Гляди – сам не дурак ли. Вот они дадут тебе порошок выпить, ты и кончишься.

С т а р и к (оживлённо). А хотят дать?

Д е в и ц а. Это я к примеру сказала. Я не знаю, кто чего хочет. А извести человека – трудно ли?

С т а р и к (ухмыляясь). Больше ничего нет у них против меня. Нечем отбиться им, нечем! Тут – цепь, на цепи они! Звено за звеном! Грех плодови́т... Ага-а?

Д е в и ц а. Бросить бы всё, да взять с них рублей тыщу... А то десять тысяч, а? Слушай-ко...

С т а р и к (весело). Значит – извести меня хотят они? Решили?

Д е в и ц а. Разве я это говорю? Я этого не сказала.

С т а р и к. И не говори, не надо! Это – барынькина затея! Ишь ты, змея! Ох, вредная она... (Строго.) Ты у меня – гляди! Слова ихнего не забывай! Перемигнутся – и то запомни!

Д е в и ц а. Запутают они... Их – много. Старушка тут... старушка тоже догадливая... Она – умная...

С т а р и к. Молчи, идут! Подь-ка сюда...

(Уводит её за угол дома. На крыльцо выходят озабоченный Харитонов и Захаровна, растерянная.)

Х а р и т о н о в. И здесь нет его... Куда ж это он скрылся, жулябия, а?

З а х а р о в н а. Не надо эдак... Бог даст, обойдётся...

Х а р и т о н о в. Что – обойдётся?

З а х а р о в н а. А старичок этот...

Х а р и т о н о в. Старичок? А – кому надо, чтоб он обошёлся?

З а х а р о в н а. Всем надо, Яким Лукич.

Х а р и т о н о в. Постой, постой! Мне, например, не надо, мне – чорт его дери!...

З а х а р о в н а. Ну, как же не надо? Ходит злой человек...

Х а р и т о н о в. Злой? Слушай, старуха, что такое, происходит у вас, а?

З а х а р о в н а. Не знаю я...

Х а р и т о н о в. Врёшь!

З а х а р о в н а. Не обижай меня, Яким Лукич, я – старая, глупая...

Х а р и т о н о в. В старости и врут больше всего.

З а х а р о в н а. Поговорил бы ты с Иваном-то Васильичем по душам. Ты – мужчина...

Х а р и т о н о в. Нет, ты мне скажи...

(Из-за угла идут Мастаков и Софья Марковна, одетая в дорогу.)

Х а р и т о н о в. Это вы куда собрались, на ночь глядя?

С о ф ь я М а р к о в н а. Я еду домой, а Иван Васильевич провожает меня.

М а с т а к о в. До экипажа только. Не убегу.

Х а р и т о н о в (негромко). Кум...

М а с т а к о в. Что?

С о ф ь я М а р к о в н а. Идёмте. До свиданья, Аким Лукич.

Х а р и т о н о в (загораживая ей дорогу). Погодите, полковница! Вам известно, что я Ивану многим обязан и вообще – благодарен... Что случилось, а? Ведь я вижу...

М а с т а к о в (глухо, с усмешкой). А случилось, Яким...

С о ф ь я М а р к о в н а (с досадой). Ах, боже мой! После скажете...

М а с т а к о в. После чего? Был у меня в молодости...

С о ф ь я М а р к о в н а. Несчастный случай...

М а с т а к о в. Был я в молодости осуждён и сослан... на поселение, а оттуда – бежал...

Х а р и т о н о в (изумлён). Ты? Шутишь! Шутит он?

М а с т а к о в. Настоящая фамилия моя Гусев, а зовут меня – Митрий...

Х а р и т о н о в. Да не может быть!.. Ну, брат, это... уж я не знаю что...

М а с т а к о в. Старик этот знал меня в то время...

Х а р и т о н о в. Вот оно что! Ч-чорт! Что же... Много просит старик, а?

М а с т а к о в. Ничего не просит. Донести он хочет на меня.

Х а р и т о н о в. Донести? Ого...

С о ф ь я М а р к о в н а. Аким Лукич, я убедительно прошу вас молчать об этом...

Х а р и т о н о в (подавлен). Господи – я же не дурак...

С о ф ь я М а р к о в н а. Ведь вы не захотите поссориться со мной да?

Х а р и т о н о в. Эх, полковница...

С о ф ь я М а р к о в н а (значительно). Итак – вы молчите? А я завтра же начну хлопотать по этому делу...

М а с т а к о в. О чём тут хлопотать?

Х а р и т о н о в. Н-ну, история...

М а с т а к о в. Скажи, Яким, – можно меня простить?

Х а р и т о н о в. Да ведь я... что же я...

М а с т а к о в. Веришь ты в невиновность мою?

Х а р и т о н о в. Если бы я решал... Простить... я же ничего не знаю, не понимаю! И, главное, не я тут решаю, а множество людей! Газеты, знаешь... Ежели одному простить – все взвоят: а мы? Вот в чём дело!

С о ф ь я М а р к о в н а. Ну, довольно, Аким Лукич. (Мастакову.) Идёмте!

М а с т а к о в. Сейчас...

Х а р и т о н о в. Вы не сердитесь, полковница. Разве я что-нибудь разрешаю? Я просто хочу сообразить. Все заорут: и нас простите... Тогда такая юрунда начнётся... Вы меня в город не возьмёте?

М а с т а к о в. Ты хотел остаться ночевать?

Х а р и т о н о в. Могу и ночевать... что же? Где это Яков?... Яша!

(Поспешно идёт в кухню.)

С о ф ь я М а р к о в н а. Зачем вы сказали ему, зачем? Ведь я убеждала вас!

М а с т а к о в. Хочу в мыслях моих утвердиться. Вот – видели? Кум, приятель, а – как испугался, а? Да ещё я ему про каторгу не сказал...

С о ф ь я М а р к о в н а. Пустой человек. Если он... он не может сделать ничего дурного вам!

М а с т а к о в. Потому, что у вас его векселя? Захочет – сделает. Бывший друг – злейший враг.

С о ф ь я М а р к о в н а. Ну, довольно! Завтра утром вы приедете в город, завтра же сделаем заявление прокурору...

М а с т а к о в. Что мне прокурор? Мне – перед вами стыдно.

С о ф ь я М а р к о в н а. Оставьте это! Вы должны помнить, что я люблю вас, люблю и буду защищать...

(Мастаков молча целует руки ей.)

С о ф ь я М а р к о в н а. У меня есть связи, есть деньги, и главное с вами моё сердце. Я не отдам вас этому старику на истязание. Он считает себя мстителем, он – страдал! Ненавижу страдание. В нём нет правды, нет! Дорогой мой, – больше спокойствия, и верьте в меня. Не отдам вас... Вы слышите?

М а с т а к о в. Вышло так, что я обманывал вас, самого близкого человека...

С о ф ь я М а р к о в н а (сердито). Довольно же! Надо больше верить в людей...

М а с т а к о в. Я знаю их лучше вас.

С о ф ь я М а р к о в н а. Они добрее, чем вы думаете...

М а с т а к о в. Все меряют жизнь своим горем, все к чужому глухи. Все живут обидами, и каждый ищет – кому отомстить за обиду свою... Нет, я пропал! Я спокойно говорю – я пропал!

С о ф ь я М а р к о в н а. Дайте руку... На счастье! Милый, мы победим...

М а с т а к о в. Софья Марковна – поцелуйте меня, Христа ради!

Старик. Максим Горький gorki.ucoz.ru

С о ф ь я М а р к о в н а. Что за глупости? При чём тут – Христа ради?

М а с т а к о в. Господи... как бы любил я вас... Как бы жили мы...

(Обнялись крепко. Из кухонной двери на них смотрят Харитонов и Яков, очень испуганный.)

С о ф ь я М а р к о в н а. Ну – я еду! Держите себя в руках, милый! Завтра – увидимся. Помните о Захаровне, не спускайте глаз с неё понимаете? Это – удивительный человек... Ну, проводите меня до лошадей. Милый мой – я понимаю, как вам трудно, но – надо уметь защищаться. Помните: вас ждёт счастье. Я это знаю, это в моих руках, клянусь вам! Ведь вы любите меня, да? Да?

М а с т а к о в. Сердце вы моё милое...

С о ф ь я М а р к о в н а. Старик – замучен, он больной, болен от злобы, неизлечимо болен. Он может только страдать, он ни на что не способен, кроме этого; страдание для него профессия, мастерство. О, таких людей много! Они любят страдание, потому что оно даёт им право мстить, право портить людям жизнь. Нет людей самолюбивых более, чем несчастные...

М а с т а к о в. Так ли? Не знаю. Вот я – несчастен. А разве я люблю себя? Не умею. Нет, бросьте всё это, не говорите. Прощайте! Какой радостью были вы для меня!

С о ф ь я М а р к о в н а. Была? Почему же была? Разве вы...

(Уходят. Харитонов с Яковым тихо спускаются с крыльца.)

Я к о в. Значит – теперь Павел хозяин?

Х а р и т о н о в. Иди, ищи лошадь! Надо скорее уехать...

Я к о в. А может, с Павлом я скорее сойду насчёт Татьяны...

Х а р и т о н о в (задумчиво). Н-нда?... Попробуй! Теперь, по случаю срама, приданого можно взять гораздо больше – понял? Нет – каков случай? Ф-фу! И вдруг меня коснется что-нибудь, а? Ну, чего торчишь? Иди, ищи лошадь...

(Ходит по двору, закуривает, что-то говорит про себя. В окне кухни – Павел, осматривает двор.)

П а в е л. Яким Лукич...

Х а р и т о н о в (негромко). Ну, что?

П а в е л. Странника нет на дворе?

Х а р и т о н о в. Нет.

П а в е л. И здесь нет. Куда же он пропал?

Х а р и т о н о в. Черти утащили. Подь-ка сюда...

П а в е л (выходя на крыльцо). А полковница уехала?

Х а р и т о н о в. Слушай, Пашук... Гмм... Конечно, пасынок вотчиму, как и сын отцу, – не воевода... но однако, ежели дело касается экономического вопроса, тут – уж ни родства, ни дружбы не соблюдается. Это вроде игры в стуколку... Гмм... да, так вот – ты понимаешь, что в доме у вас неблагополучно?..

П а в е л (насторожился). А что?

Х а р и т о н о в. Вообще – чувствуешь?

П а в е л (подозрительно). Вы о чём?

Х а р и т о н о в. Например – о старике этом, о страннике...

П а в е л. Ну, так что?

Х а р и т о н о в. А вот что: ты на моих глазах рос... и такое прочее... Значит - я имею к тебе чувства... заботит меня твоя судьба...

П а в е л (усмехаясь). Первый раз слышу.

Х а р и т о н о в. Первый? Н-да... Ну, когда-нибудь надо же начало положить!.. Я старше тебя, лет эдак на двадцать пять... я могу тебя поучить...

П а в е л. Поучите... что же...

Х а р и т о н о в. Ты не усмехайся... погоди! Я, может, такое скажу тебе, что у тебя ноги подогнутся...

П а в е л. Про вотчима?

Х а р и т о н о в. Видишь ли - все мы одного плетня колья... и, значит, должны друг друга поддерживать - так?

П а в е л. Ну, так!

Х а р и т о н о в (прислушиваясь). Стой... Татьяна идёт... Ей эти дела не надо знать! Пойдём-ка в сад, поговорим.

(Из кухни идут Таня и Захаровна. Харитонов оглядывается на них.)

Х а р и т о н о в. Запоздал я, заспался, а у меня завтра в городе рано утром дела...

(Ушёл.)

З а х а р о в н а. Ну, куда ты? Спать пора!

Т а н я. Никто не спит - видишь? Нянька, скажи мне - что такое делается у нас?

З а х а р о в н а. Ничего не делается,

Т а н я. Неправда!

З а х а р о в н а. Ночь светлая, вот и не спит никто.

Т а н я. Неправда!

З а х а р о в н а. Как это - неправда? Сама видишь - никто не спит, и ты не спишь...

Т а н я. Ты думаешь - ты хитрая?

(Выстрел за садом.)

Т а н я. Ой, что это? Ты слышишь!.. Вот - я чувствовала...

З а х а р о в н а (с досадой). Да что ты чувствовала? Степаныч воров пугает, а ты...

Т а н я. Воров? А чему Павел радуется? Это нехорошо, если Павел весёлый, - уж я знаю!

(Из-за угла дома поспешно идёт Старик.)

С т а р и к. Кто это стреляет?

З а х а р о в н а. Сторож.

С т а р и к. Стрелять - нельзя!

Старик. Максим Горький gorki.ucoz.ru

Захаровна. У нас – можно, мы за городом живём...

Таня (строго, но всё-таки тревожно) И – это не твоё дело, кто стреляет!

Старик. Ты, девушка, моих дел не знаешь. А узнаешь восплачешь...

Захаровна (торопливо, примирительно). В постройке ночуют босяки, жулики разные – вот он и стреляет, чтоб они знали...

Таня. Ты как смеешь, старичишко...

Степаныч (бежит, задыхаясь). Эй, идите... Захаровна – скорее... Иван Васильич убился!

Таня (кричит). Вот! Вот – видишь?..

(Бежит в дом.)

Захаровна (за ней). Стой!.. Господи...

Степаныч. Захаровна – воды надо, полотенцев...

Старик (бегая по двору). Марина – где ты?.. Ма-рина-а!

Павел (бежит из сада). Нянька, скорее! Степаныч, в город, за доктором...

Старик (убежал в кухню). Марина...

Харитонов (из сада). Как это он?

Степаныч. Нечаянно. Взял у меня ружьё – что ты, говорит, не почистишь его, ржавое всё? Отошёл несколько, а оно и выстрелило, да прямо в рот ему...

Харитонов. В рот? Ох...

Степаныч. Так всю голову и снесло, одна шея осталась, ей-богу...

Павел. Запрягай...

Степаныч (бессильно опускаясь на крыльцо). Да чего же тут какой тут доктор!

Харитонов. Павел – идём! Где Яков?

Павел. Я боюсь... Идём, Степаныч...

Степаныч. Да чего же... куда же уж... Вот те и хозяин! А какой ведь был человек...

Павел. Попадёт тебе за ружьё...

Степаныч. Ну... чего уж... пускай!

(Ушли. Из кухни выбегает Старик с палкой и котомкой в руках, за ним Девица, тоже с котомкой.)

Старик (бормочет). Ах ты, глупый, ах, хитрый...

Девица. Я тебе говорила...

Старик (трясётся). Надень котомку мне... Ах, еретик!

Девица. Что теперь будет с нами?

Старик. Уходить надо, избыют! В город надо. Там – не найдут. Живее, ты! Всё ли взяла?

Девица. Чего брать-то? Говорила я – запутают они!

С т а р и к. Молчи! Струсил... испугался он...

Д е в и ц а. Не так надо было...

С т а р и к. Молчи, говорю...

(Захаровна и Таня с полотенцами и ведром воды.)

З а х а р о в н а (кричит). Ну, что, старый пёс, казнил человека?

Т а н я. Его задержать надо!

З а х а р о в н а. На что? Полно-ка!

(Убежали.)

Д е в и ц а (со слезами). Да возись ты скорее! Какая выгода нам? А взять бы с них...

С т а р и к. Идём, Маринушка, идём!

Д е в и ц а. Зря вышло... Перемучил ты его, перемучил, вот...

С т а р и к. Господь лучше нас знает, что вышло! (Крестясь, идёт в сад.) Там дыра есть в заборе, мы с тобой в дыру...

Д е в и ц а. Догонят они нас...

С т а р и к. Не до того им! Ну, идём с богом, скоренько... Ах, еретик, а? Покарал господь, ага! (Грозит палкой дому.) Насорил вас господь на земле, окаянных, насорил червей... Сметёт он вас в геенну рукою моею, сорьё... хлам червивый!

Д е в и ц а (толкая его). Иди-и уж! Тоже - праведник! Обманул меня...

С т а р и к. Ты - погоди!.. Ты....

Д е в и ц а. Прежде чем божьи-то дела устраивать, свои бы устроил, старый пёс...

С т а р и к. Маринушка...

Д е в и ц а. Обманул ты меня... "Большими кораблями поплывём отсюда"... Вот - поплыли! Эх, ты-и...

С т а р и к (бешено). Молчи, девка!

Д е в и ц а. Чего орёшь? Не боюсь я тебя!

С т а р и к. Гляди!

Д е в и ц а. Чем ты меня удержишь теперь? Иди уж, пёс! Дура я... послушать бы мне добрых людей... Эх, дура!

С т а р и к (бормочет). Господи! Господи!

Занавес 1915 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

Впервые напечатано отдельной книгой в издательстве И.П.Ладыжникова, Берлин (без обозначения года издания; повидимому, не позднее 1921 года).

Пьеса "Старик", как указывал М.Горький, написана в 1915 году. Впервые поставлена 1 января 1919 года на сцене Государственного Академического Малого театра.

Как показывают машинописные копии с авторской правкой (Архив А.М.Горького) и режиссёрский экземпляр пьесы, хранящийся в музее Малого театра и датированный 23

Старик. Максим Горький gorkiymaxim.ru
октября 1918 года, первопечатный текст "Старика" в издании И.П.Ладыжникова воспроизводит первоначальную редакцию пьесы. По этому тексту пьеса печаталась позднее в собраниях сочинений М.Горького. Однако этот текст не является последним авторизованным текстом пьесы "Старик". В 1922 году "Старик" был опубликован в новой редакции в "Петербургском альманахе", Петербург - Берлин, 1922, книга первая. Но и эта редакция не была последней. В Архиве А.М.Горького хранится экземпляр отдельного издания пьесы в издании И.П.Ладыжникова, содержащий очень существенную авторскую правку и три авторских рукописных дополнения (одно к третьему и два - к четвёртому действиям). В этой последней редакции пьеса была напечатана одним из нью-йоркских издательств на английском языке в 1924 году под названием "Судья".

Пьеса "Старик" тесно связана с опубликованными в 1913 году публицистическими статьями М.Горького "О карамазовщине" и "Еще о "карамазовщине". В предисловии к указанному американскому изданию пьесы М.Горький писал: "В пьесе "Старик" я старался указать, как отвратителен человек, влюблённый в своё страдание, считающий, что оно даёт ему право мести за всё то, что ему пришлось перенести. Но если человек убеждён в том, что страдание даёт ему право считать себя исключительной личностью и мстить другим за свои несчастья, - такой человек, по моему мнению, не принадлежит к людям, заслуживающим уважения других. Вам это будет понятно, если вы представите себе человека, поджигающего дома и города только по той причине, что ему холодно!" (Архив А.М.Горького.)

Сохранилась следующая авторская характеристика действующих лиц пьесы: "М а с т а к о в - лет 40-45; светловолосый, бородатый, типичное лицо хорошего русского мужика. Непокорная совесть вызывает у него неуверенность речи, осторожность движений. Но когда возбуждается - в сцене со Стариком страшен. Однако - ненадолго. В общем - добрый, мягкий человек. П а в е л лет 20-22. Лицо туповатое. Самолюбив, зол, глуп. Двигается тяжело, неловко. Т а т ь я н а - 17-19 лет. Милое, наивное лицо, одета просто и красиво. Избалована, капризна. З а х а р о в а - лет 60. Бодрая старуха, к людям равнодушна, но любит дом, в котором живёт, хозяйство, этим и объясняется её забота о людях. С т е п а н ы ч - лет 50. Тупой, равнодушный человек. С о ф ь я - 30-35 лет. Энергична, насмешлива, самоуверенна. Красива. Любит покровительственно относиться ко всем, как старшая. Х а р и т о н о в - лет 45-50. Живой, подвижный человечек с острой бородкой, с склонностью к юмору и клоунаде, эксцентричен, говорит бойко. В общем неудачник и жуликоват. Я к о в - лет 25. Слащаво красив, глуповат. Одет, как приказчик модного магазина, - щёголь дурного тона. К а м е н щ и к - старый человек, о чём-то задумавшийся, о важном, может быть - о цели жизни, о боге. Живёт, как во сне. С т а р и к - лет 60-65. Одет в полумонашеское платье, - и длинный подрясник. Лицо злое, взгляд исподлобья. Движения гибкие, змеиные. Притворяется сутулым, но вдруг - выпрямится и страшен в ненависти к людям. Считает себя пострадавшим невинно и любит заставить людей страдать, любит мучить их. В этом - всё наслаждение его жизни. Мастер, художник страдания. В минуты возбуждения отвратителен и страшен, как всякий садист. В конце пьесы его поражает неудача мести, он чувствует себя проигравшим последнюю игру и боится, как бы полиция не привлекла его к делу о самоубийстве. В сцене с Софьей он сначала испугался, но быстро понял, что Софья не страшна, ибо неспособна отнестись к нему, как к вредному насекомому, не сможет раздавить. Д е в и ц а - тупое, животное лицо с неподвижными глазами. Жадна, чувственна, глупа. Держится почти неподвижно и мёртвыми глазами щупает все вещи, всех людей." (Архив А.М.Горького).

Начиная с 1923 года, пьеса "Старик" включалась во все собрания сочинений.

Печатается по тексту отдельного издания И.П.Ладыжникова с правкой и рукописными дополнениями автора (Архив А.М.Горького).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

Старик. Максим Горький gorkiymaxim.ru
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!